

попаданец

Андрей Земляной
Борис Орлов

ДЖОКЕР
СТАЛИНА

Рокировка

Борис Орлов
Джокер Сталина

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Орлов Б. Л.

Джокер Сталина / Б. Л. Орлов — «АСТ»,
2017 — (Рокировка)

ISBN 978-5-17-100957-1

Правила установлены, и всё идёт своим чередом, пока не приходит тот, кто ломает любой порядок и выпустит на шахматную доску мировой политики русский джокер. История пойдёт совсем другим путём, а короли и президенты будут биты русским спецназом. Никто не уйдет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100957-1

© Орлов Б. Л., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	14
3	29
4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Земляной, Борис Орлов Джокер Сталина

Серия «Попаданец»
Выпуск 12

© Андрей Земляной, 2017
© Борис Орлов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Авторы благодарят Карена Степаняна и Александра Ласкина за активную помощь в работе над книгой.

1

Нет в мире предмета, человека или идеи, которые не могли бы использоваться как оружие, но специально подготовленные к тому – много лучше.

Тацит. Неизданное

– Знаете, я, пожалуй, вынужден признать: ваши протеже способны на что-то полезное...

– Хотелось бы уточнить: что именно навело вас на такую оригинальную мысль?

Первый говоривший приятно улыбнулся:

– Ну как же, как же... Столько мучеников сразу! Один Пешавар чего стоит... А ведь есть и еще... Нет, право же: действия вашего протеже имеют определенный смысл... – он развел руками. – Хотя надо отметить, что если бы за работу взялись **мои** протеже, урожай мучеников был бы намного больше.

– Вы уверены?

– Ну разумеется! – первый из спорщиков покровительственно улыбнулся. – Англо-саксы сделали бы все спокойнее, методичнее и, главное, куда более эффективно. Это вашим славянам нужен рывок, сверхусилие. Согласен, получается эффективнее. Но эффективнее ли?

– А вы не допускаете, что цели снабдить вас мучениками просто не ставилось, а решалась какая-то иная – совершенно иная – задача? – закипая, спросил второй. – Или мученики – глобальная цель?

Первый рассмеялся – снова покровительственно.

– Какое **нам** дело до того, какую задачу ставили **они**? Важен ведь результат.

– Ах, ну да, – издевательски хмыкнул второй. – Как же, как же – цель оправдывает средства. Слыхали...

– Ну, мне тоже доводилось кое-что слышать, – ощерился первый. И, заведя очи горе, процитировал: – «Чистые руки, горячее сердце, холодная голова». Разве это не из арсенала ваших обожаемых неистовых славян?

– Оттуда, оттуда. Вы, как и всегда, непогрешимы. Вот только небольшая, но важная деталь: они никогда не позволяли себе убивать без разбора. Даже ради благих целей...

– Сэр, ваш цилиндр...

– Благодарю, Арчи, – Уинстон Черчилль слегка поморщился и принял нелюбимый им головной убор.

Он не любил строгие уставы Парламента. «Только фрак, только цилиндр, только белые перчатки...» За этими внешними атрибутами теряется главное – строительство ИМПЕРИИ. Впрочем, Империю уже, в общем и целом, построили, теперь стоит задача ее удержать. А вот с этим как раз проблемы. Сколько времени эти болтуны из коалиционного правительства рассуждали о статусе доминиона для Индии, и что? Доигрались со свободами для дикарей: теперь в Индии уже почти год разрушается столь тщательно, бережно и любовно возводимое здание цивилизации... Стоит ли лукавить с самим собой?! Не «разрушается», а «уни-

чтожено»; и теперь примитивные аборигены с упоением отплясывают на руинах. И одновременно режут друг друга и тех немногих сахибов, что ещё там остались...

Он и его «группа Черчилля» – небольшая фракция, маленький островок единомышленников внутри рыхлого, раздутого, будто больного водянкой организма консервативной партии – с самого начала выступали против предоставления статуса хотя бы даже доминиона Индии и за более жёсткий внешнеполитический курс. В частности – за более активное противодействие распространению красной заразы. Но эти умники – Черчилль поморщился при воспоминании о Палате общин – эти умники, разумеется, заболтали его предложения. И что теперь?

– You were given the choice between war and dishonour. You chose dishonour, and you will have war¹, – пробормотал он, садясь в автомобиль, и улыбнулся своим словам. Хорошая фраза. Чеканная. Вот и надо ее произнести по поводу посылки войск в Индию. Пора, пора уже прекращать эту вялую, «странную» войну с индусами. Все силы – в бой! Самолеты, танки, пулеметы и газ! Газ! В конце концов, если эти черномазые выбрали войну против предопределенного им самой судьбой служения белому господину, почему мы должны миндальничать? Все равно они плодятся, как кролики в садке, так что смерть даже сотни тысяч этих тупых обезьян ничего не изменит. Даже миллиона!.. А потом заняться Европой. Комми совсем потеряли страх: Германия, Италия, Албания... Кто следующий? Неужели Британская империя будет спокойно смотреть, как красная чума расползается у нее под боком?..

«Роллс-ройс» неспешно катил по ноябрьскому Лондону. Уинстон Черчилль, лидер одной из фракций партии тори, откинулся на спинку кресла, обдумывая свою речь в Парламенте...

Неприметный человек в сером пальто и мягкой шляпе «трильби» пристально глядел на серую ноябрьскую реку, облокотившись на парапет.

«Вроде и не Сохо, а самый что ни на есть центр – благопристойное Сити, но река – грязнее не видал. Неужели кто-то здесь еще готов топиться в этой вонючей клоаке? Джером, помнится, писал о прогулках по Темзе на лодках – боже сохрани! Плавать по этой сточной канаве? Еще чего не хватало! То ли дело – Москва-река. Чистая, воду пить можно... Ну, не в самом центре города, конечно, но даже там рыба ловится: окуньки, караси, плотва, ерши... А здесь если что и живет, то небось чудище какое-нибудь: семь плавников, пять глаз и два хвоста! Бр-р-р-р!»

Человек передернул плечами и тут же обнаружил стоящего рядом бобби, который внимательно его разглядывал. Полисмен козырнул:

– Сэр, с вами все в порядке?

– Все хорошо, констебль... – человек сунул руку в карман пальто и вытащил портсигар. – Сигарету?

– Очень благодарен, сэр... Позвольте предложить вам огня... – Спичка чиркнула о коробок, и оба закурили. Бобби, помявшись, смущенно произнес: – Вы уж не сердчайте, сэр, только сперва-то я вас за этого принял... ну которые... фью-и-ить... – он изобразил рукой движение в сторону грязно-свинцовой воды.

– Правда? – человек в сером изобразил удивление легким движением бровей. – А я вот как раз стоял здесь, ждал своего друга и компаньона, и размышлял грешным делом: какая же, должно быть, мерзкая смерть – утопиться в этой грязи...

– И не говорите, сэр, и не говорите. Вот вчера, например, кинулась одна, значит. Так головой об бочку саданулась, расшиблась, но не утонула. Выловили её – и в госпиталь, а по

¹ У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье и теперь получите войну (англ.). Подлинная фраза Черчилля, произнесенная им в РИ по поводу Мюнхенского соглашения.

дороге она рожать начала. И так, значит, на докторов кричать принялась: осторожнее, мол, не у коровы роды принимаете! Подумайте только – пять минут назад топились, а сейчас... – полисмен покачал головой, снова козырнул: – Желаю всего хорошего, сэр. И спасибо ещё раз за сигарету...

Он ушёл, а человек остался и снова устался на реку. Только теперь его мысли потекли совсем в другом направлении. «Вот ведь как бывает... Товарищ Белов нас учил, методики писал... Пусть мне кто другой соврёт, что это не он, а “старшие товарищи из Коминтерна”. “Ха-ха” три раза! Что я, этих атаманов из Коминтерна не знаю? Очень хорошо себе представляю: им бы только взорвать что-нибудь да ножом в бок пырнуть. Ну иногда еще для разнообразия устроить перестрелку. А тут всё так толково расписано – с точными нормативами, развесовками, методиками разработки и подготовки подхода и отхода... Да у коминтерновцев и слов-то таких не слышали! А Белов... Белов – это Белов! Механизм для убийства, самодвижущаяся гильотина!..» Он поднял голову и не торопясь огляделся. Ага, вон Смирнов – делает вид, что на витрину пялится. А вон О’Лири – с газетчицей треплется... О-па! Воротник поправил. Команда «Внимание!»

Он снял шляпу и пригладил волосы, а потом снова нахлобучил «трильби», стараясь усадить головной убор поглубже, чтобы случайный порыв ветра не мог его сорвать. Смирнов направился к нему: уходить лучше двойками. Он зашел в ярко-красную телефонную будку возле вывески с надписью «Лучший чай Цейлона». Там, в неприметной кондитерской, сейчас уже готовятся...

О’Лири широко зашагал к кондитерской с видом человека, решившего непременно выпить чаю или умереть. В этот момент мимо него проехал серебристо-белый «роллс-ройс». Вот он поравнялся с телефонной будкой, из которой тут же выскочил Смирнов, вот он проехал еще метров двадцать вперед, вот под ним оказался люк канализации...

Яростный грохот кувалдой ударил по ушам. Заложенные в канализационный колодец сорок кило тротила сработали точно громадная пушка. Автомобиль разорвало на части, и человек в сером проводил взглядом улетевшее в реку крутящееся колесо: «А неплохо, неплохо... Вот так, товарищ Белов: мы хорошие ученики. Спасибо учителю».

Что-то небольшое шлепнулось совсем рядом, но Павел Анатольевич не успел разглядеть, что именно...

– Мистер Джонсон? – рядом оказался О’Лири. – Уходим?

– Ну, если хочешь – оставайся, – хмыкнул Судоплатов. В этот момент к нему подошел Смирнов. – А мы – пошли...

Были сирены пожарных и полицейских автомобилей, а по набережной бежали перепуганные люди, в толпе которых и растворились диверсанты. Краем глаза Павел Судоплатов успел заметить что-то неправильное на кресте маленькой старинной часовни. «Тряпка какая-то, что ли? Закинуло взрывом? Должно быть, так. Ладно, вороны потом себе на гнездо приспособят...»

Восемнадцатого ноября в результате взрыва газа в подземной газовой магистрали в Лондоне погиб заклятый враг всего советского народа – Уинстон Черчилль.

Черчилль был ярким противником нового строя, защищая интересы своих хозяев-империалистов. Многие люди по всему миру – ирландцы, индусы, сикхи, пуштуны, африканские негры – вздохнут с облегчением, узнав о кончине врага свободы и счастья простых людей. От яростного антикоммуниста Черчилля остались только ботинок и обгоревший шелковый цилиндр, который взрывом зашвырнуло на крест часовни

*семнадцатого века. «Должно быть, все остальное был просто пузырь, надутый вонючим воздухом», – шутят лондонцы.
«Правда», 19 ноября 1935 года*

– ...Ну как оно, юнак? – шепотом поинтересовался Христо Боев, утирая со лба пот. – Не жарко?

Столбик термометра показывал тридцать восемь в тени, поэтому Белов не удостоил болгарина ответом. Он поправил белую полотняную шляпу-панаму, стараясь упрятать лицо в тень. Здесь, на руа Сан-Антонио, возле замечательно красивой старинной церкви, бразильское солнце жарило с такой силой, что от ожогов мог не спасти даже индийский загар.

Наталский полицейский, так же как и все изнывавший от жары, равнодушно скользнул взглядом по двум хорошо одетым прохожим. «Верно, племянничек встречает своего дядюшку, вернувшегося из Европы, – подумал он. – Если они сейчас зайдут выпить кашасы... Я совершенно точно угадал!»

Двое огляделись и нырнули в маленькую кафезинью, прячась под её навесами от палящего солнца. Полицейский пригляделся: старший взял кайпиринья, а младший – «ледяной бразильский»². «Какой я умный, – подумал постовой. – Вот что значит долгая служба в полиции. Как хорошо я умею разбираться в людях!» Он горделиво задрал голову, но тут же понурился, размышляя о том, что, несмотря на его несомненные достоинства, он все ещё простой патрульный. Хотя ему уже тридцать два года...

– Юначе, что-то этот держиморда нас так внимательно изучает. Как считаешь?..

– Пустое, Христо. Просто ему скучно, вот и пялится на прохожих...

Они молча синхронно пригубили свои напитки. Сашка погрузился в раздумья, снова и снова вспоминая все произошедшее за последние несколько дней.

– ...Товарищ Белов, – Димитров поднялся из-за стола и, опершись большими сильными руками о столешницу, словно бы навис над юношей. – Товарищ Белов, и я, и мы все в Исполкоме Коминтерна понимаем: просить вас сейчас принять участие в новой операции означает просить вас рисковать добрым к вам отношением товарища Сталина. Но, если честно, другого выхода у нас нет...

– Товарищ Димитров, – Сашка, напустив на себя вид полной безмятежности, взглянул на Димитрова снизу вверх, – вы заканчивайте нагнетать, а скажите лучше толком, что от меня надо?

– Ты газеты в ноябре внимательно читал? – ответил вопросом на вопрос Димитров.

Белов честно принялся вспоминать, что же такого было в ноябрьских газетах? Перед мысленным взором, словно схваченные объективом камеры, стали пролистываться страницы прочитанных газет, сохраненные зрительной памятью. В начале ноября – сплошные славословия в честь очередной годовщины Великого Октября, дальше – отчеты о парадах и демонстрациях, а потом... Потом было провозглашено создание Филиппинской федерации – в значительной степени независимого государства во главе с президентом Мануэлем Квезоном. Там еще этого сукиного сына – генерала Дугласа Макартура – назначили ответственным за реорганизацию вооруженных сил. Еще – в Москве прошло Всесоюзное совещание стахановцев. Иосиф Виссарионович произнес свою знаменитую фразу: «Жить стало лучше, жить стало веселее»...

– Ничего не вспоминается? – поинтересовался секретарь ИККИ. – Совсем ничего?

Так, а что же там еще-то случилось? О! В Варшаве под суд отдали Бандеру! И что? Ему и в польской каталажке будет несладко, так что ликвидировать вроде необходимости и

² Кайпиринья – крепкий коктейль на основе кашасы (национальный бразильский крепкий алкогольный напиток) с лаймом и сахаром. «Ледяной бразильский» – легкий коктейль на основе холодного кофе с небольшим добавлением кашасы.

нет. А еще? Английские шахтеры забастовки устраивали – требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда. И?.. Американский исследователь Линкольн Элсуорт впервые пролетел на самолете через всю Антарктиду от моря Уэдделла до моря Росса. Тоже как-то не то...

– Ничего, – сдался Александр. – То есть абсолютно. Ничего такого, в чем могло бы помочь мое участие.

– Вот как? – Георгий Димитров усмехнулся. – А что насчет новостей из Бразилии?

– Откуда? – изумился Белов. И добавил: – Честно говоря, о Бразилии я знаю только то, что там растет кофе, много-много диких обезьян и проводятся карнавалы в Рио...

– Правда? – снова хмыкнул Димитров. – Надо будет поинтересоваться, как у вас в школе обстоят дела с обществоведением. А комсомольцев спросить: почему товарищи из КИМ манкируют своими обязанностями.

– Какими? – ошалело спросил окончательно сбитый с толку Сашка.

– Почему в вашей школе не прошло комсомольское собрание в поддержку восставшей Бразилии?

– Э-э-э... – Александр почесал переносицу. – Тут ведь вот какое дело: я как начальник отдела ЦК ВКП(б) считал, что для меня комсомольские собрания необязательны...

– Это, разумеется, справедливо, – задумчиво согласился Димитров. – Но ведь в вашей первичной парторганизации должно было пройти аналогичное собрание. Разве нет?

– Вероятно, – согласился Сашка. – Вот только я – ещё не член партии...

Сидевший в углу кабинета Куусинен вылупил глаза, а потом захохотал, сотрясаясь всем телом. Димитров несколько секунд осмысливал услышанное, а потом тоже взорвался раскатистым смехом.

– Светият Петок³, – простонал Димитров, захлебываясь смехом. – Он же и у нас – кандидат в члены Исполкома Коминтерна, но – беспартийный!

– Юмаланайти⁴, – дергаясь от душившего его хохота, добавил Куусинен. – Он же еще и корпусной комиссар...

Но когда коминтерновцы отсмеялись, они рассказали Белову о Ноябрьском восстании в Бразилии⁵, о Луисе Карлосе Престесе⁶ и его соратниках, о тяжелом положении, в котором теперь оказалась бразильская компартия.

Сашка выслушал весь рассказ с максимальным вниманием, но вопросов не задавал, справедливо полагая, что ему объяснят все необходимое. И в первую очередь – цель его предполагаемой командировки...

– К сожалению, бразильские товарищи нас не уведомили ни о точных сроках начала восстания, ни даже о его плане, – сообщил Куусинен. – И потому мы не смогли оказать сколько-нибудь серьезной помощи.

– Можно сказать – вообще ничем не помогли, – добавил Димитров. – Немецкие товарищи выдали из своего посольства две сотни винтовок – вот, собственно, и все. И, естественно, восстание потерпело поражение. Сейчас там идет натуральная охота за коммунистами. Товарищ Белов, мы очень рассчитываем на вас: отсюда необходимо вытащить товарищей Престеса, Лописа, Амаду, Коста и Фейшуниу. Тут есть еще одна сложность:

³ Святая Пятница (*болг.*) – распространенная на Балканах божба.

⁴ Jumalanäiti (*финск.*) – Матерь Божья, Богородица.

⁵ Вооруженное выступление бразильских коммунистов и тенентистов (Союз молодых офицеров) против диктатуры Жетулиу Варгаса. Произошло 23–27 ноября 1935 года. В восстании приняли участие курсанты авиационного и артиллерийского училищ в Рио-де-Жанейро и 3-й пехотный полк, а также несколько батальонов в городах Натал и Ресифи. После подавления основных очагов восстания часть повстанцев перешла к партизанской войне.

⁶ Луис Карлос Престес (1898–1990) – бразильский коммунист, революционер, полководец. Член Исполкома Коминтерна.

беременная жена товарища Престеса – Ольга Бенарио-Престес – скрывается на территории посольства ГСФСР, но не имеет возможности выйти оттуда. Однако ей скоро рожать, а врач посольства может и не справиться... Кроме того, посольство сейчас фактически блокировано правительственными войсками.

Он замолчал. Куусинен было хотел что-то добавить, но воздержался. Белов тоже молчал, переваривая услышанное.

– Значит, если я правильно понимаю, – произнес он наконец, – вы предлагаете мне возглавить группу, которая без нормально подготовленного легендирования, без заранее отработанных и просчитанных путей отхода, без помощи на месте, без достоверной информации должна влезть в совершенно неизвестный для меня и для моих людей регион, отыскать и вывезти нескольких фигурантов, которые на месте находятся в розыске? М-да, задача... Вы меня, случайно, господом богом не считаете?

Сказав это, он снова замолк, что-то прикидывая и подсчитывая...

– Значит, так, – это прозвучало как удар хлыста. – Мне сейчас же нужны все – подчеркиваю, ВСЕ! – данные о всех авиарейсах в Бразилию. Дальше: Христо Боева, Вернера Герлада⁷, Павла Судоплатова – сюда и бегом! Связь с Римом, конкретно – с Муссолини – немедленно! И готовьте финансовое обеспечение: мне потребуются примерно сто – сто двадцать тысяч крузейро⁸, или что там у них, плюс тысяч сто долларов США и тысяч двадцать фунтов стерлингов. Мог бы и на месте собрать, да времени нет...

Сидя в удобном кресле рейсового дирижабля «Карл Маркс», следовавшего из Москвы в Женеву, Александр бездумно водил карандашом по страницам блокнота и ругался про себя последними словами.

Вспоминая весь Коминтерн и его матерей, а также их родственников из мира животных, он всё пытался понять, почему и когда он стал пробкой для затыкания дыр в чужих глупостях. Ну вот с Гитлером всё понятно. И даже пакистанско-индийскую авантюру ещё как-то можно объяснить. А вот Эфиопию – уже никак. Втрое превосходящие силы итальянцев получали от эфиопов, которые были не только меньше числом, но и совсем не имели на вооружении современных средств, включая связь и моторизованный транспорт. Потом эта Албания, якорем её в бок с присвистом в центр мирового равновесия. Тоже показательная глупость – и не только итальянцев, но и Коминтерна, который, похоже, совсем уже мышей не ловит. Артузов вон сам на себя не похож, глаза красные от недосыпу, дымит словно паровоз и, наверное, гадает, чем сегодня ему ещё товарищи из интернационала подгадят.

Только вон Судоплатов с Герладом попивают коньячок и в ус не дуют. Но с этими-то всё понятно. Головорезы. Им что в Бразилии, что на Марсе – всё едино. А вот Сашке? И плевать, что потом придётся досдавать учебные предметы, а вот кто его непосредственные дела разгребёт? Инспекции по заводам, конфликтная комиссия при Академии Наук СССР, которая с недавних пор разбирает все кляузы учёных друг на друга. Кстати, совсем недавно Ландау⁹ разродился пятью свежими доносами на соперников, а товарищ Вавилов – аж восемью.

⁷ Герлад Вернер (1899–1943) – немецкий коммунист, антифашист. Член Коминтерна. С 1934 года – в СССР. Разведчик, ликвидатор. В 1943 году при попытке совершения покушения на руководителей Вермахта погиб в перестрелке.

⁸ Сашку в очередной раз подвело незнание истории окружающего его мира. Бразильская валюта крузейро была введена лишь в 1942 году, а до того использовался реал (мн. ч. – рейс). С учетом гиперинфляции в Бразилии 30-х годов использовались монеты достоинством в десятки, сотни и тысячи реалов и банкноты достоинством в тысячи рейсов (милльрейсов), десятки, сотни и тысяча милльрейсов.

⁹ Исторический факт. Великий физик Ландау и биолог Вавилов были матерыми кляузниками и не стеснялись подставлять своих научных оппонентов под преследования НКВД.

Также на неопределённый срок подвисла вся история с Ленинской коммунистической школой, которая по аналогии с Технической школой будет готовить управленческие кадры, начиная обучение подростков с двенадцати лет.

Сфокусировав взгляд на блокноте, Александр покачал головой. На белом листе бумаги во всю пасть щерился «Чужой», как он выглядел на набросках Ганса Гигера – с лаково-блестящими латами, вытянутой пастью и жутковатого вида шипованным хвостом. И только звезда на лбу, по какой-то прихоти художника украсившая чудовище, и два ромба на плечевом щитке радовали глаз задорной шизофренией.

«Да, рисуночек-то по Фрейду», – он покачал головой и перелистнул страницу.

Нижегородский автомобильный завод имени Молотова, на который передали заказ по выпуску КБМ, совершенно не справляется с заданием и гонит такой брак, что минимум половину продукции военприёмка отправляет назад в цеха. Ну, тут взялись помочь Лаврентий Павлович и Киров, тоже желавшие заполучить в свои военизированные части мощные и подвижные машины. Ещё бы заинтересовать Берию проблемами на «Красном Путиловце», бесконечно срывающем план по выпуску новых танков... Александр снова вздохнул и начал новый набросок.

Хорошо хоть, что дела идут плохо не везде. Конрад Цузе совместно с группой немецких и советских товарищей уже испытал первую ламповую вычислительную машину – по сути, огромный калькулятор, и опытные модели уже разошлись по научным институтам, словно капля краски в бассейне воды. Но, как утверждали специалисты, за внедрением в производство дело не встанет, так как стержневые лампы и прочие узлы уже массово выпускаются на совместном заводе «Красный Сименс», а сборку планируют передать на новый завод в Казани.

Александр посмотрел в окно, где медленно проплывали Альпы.

«Эх, сейчас бы на лыжи да прокатиться с хорошей горки!» – тоскливо подумал он и парой штрихов закончил оскалившуюся рожу хищника, глядевшую прямо вперёд.

– Это где же такие страхолюдины обитают? – хмыкнул из-за плеча Судоплатов.

– Герр Шрайбер, вы же знаете, что самые страшные чудовища живут в человеческой душе, – Александр улыбнулся. – Я смотрю, вы с господином Мольтке наладили контакт?

– Так знакомы были уже, хоть и шапочно, – Судоплатов, говоривший на немецком довольно правильно, но через силу, улыбнулся в ответ и посторонился, давая пройти стройной белокурой красавице-стюардессе «Дерулюфт», которая несла зелёный чай, специально заваренный для господина Джексона – под такой фамилией Белов отправился в далёкий путь.

Ставя на столик чайник, она бросила взгляд на блокнот и, инстинктивно дернувшись, расплескала чай на ноги Александра, отчего тот, в тесноте обзорной палубы не имея никакой возможности уклониться, только тихо зашипел, переживая попадание кипятка на колени.

Девушка, увидев, что натворила, как-то сразу позеленела и, неразборчиво лопоча что-то на баварском, схватилась за салфетки, но Саша, бросив блокнот в кресле, просто встал и пошёл в санблок, а следом за ним кинулась стюардесса с салфетками наперевес.

К удивлению Александра, уже нацелившегося на туалет, стюардесса потащила его дальше, и в самой корме пассажирского отсека среди служебных помещений нашлась пусть и совсем крохотная, но прачечная со стиральной машиной и электрическим утюгом.

Девушка быстро сняла пиджак с Саши и потянула было за ремень, но резко покраснела и начала лопотать про то, как она быстро всё приведёт в порядок.

– Gut, – Александр кивнул и, ничуть не стеснясь, скинул сначала штаны, а потом и рубашку, показав на пару пятнышек в районе живота.

Довольно умело стюардесса застирала пятна и включила утюг, чтобы просушить и выгладить костюм. А Саша всё смотрел на стройную фигурку девицы с длинными ногами

и на милое лицо с ямочками на щеках, и когда девушка оказалась рядом, решительно сгрёб её в объятия и впился в мягкие губы поцелуем.

К счастью, именно в корме располагался двигатель дирижабля, дававший энергию всему летающему кораблю, и под его ровный гул было не слышно девичьих стонов и вздохов.

Когда Белов, вычищенный и выглаженный, вернулся, Судоплатов бросил короткий взгляд на молодого человека и почти не глядя протянул руку, в которую Герлад, едва слышно хмыкнув, вложил пятёрку фунтов.

А сидевший в соседнем ряду мужчина, худой и высокий словно жердь, смял какой-то листок и выбросил его в урну в проходе, туда же, куда ранее отправились наброски из Сашкиного блокнота. Потом, словно спохватившись, мужчина встал, достал свой листок, прихватив и два смятых бумажных шарика, и, осторожно ступая по толстому ковру, направился в уборную.

И лишь когда дверной замок щёлкнул, он осторожно достал из кармана оба листка, аккуратно расправил их на крошечном столике в уборной и долго стоял, вглядываясь в рисунки чудовищ.

2

*Берегите тишину – пользуйтесь глушителем.
Старший инструктор ОУЦ НКО Трофимов*

Заккрытие съезда французского комсомола
Париж, 23 марта.

8-й съезд французского комсомола закрылся. Центральным моментом последнего дня было появление в зале делегации социалистической организации молодежи департамента Буш-дю-Рон. Съезд приветствовал делегацию стоя, встретив ее возгласами: «Да здравствует единство». Глава делегации Герини в своем обращении к съезду заявил, что ничто больше не может оправдать отсутствия единства между организациями коммунистической и социалистической молодежи.

Съезд послал приветствие вождю германской компартии Тельману.

С приветствием съезд обратился также и к выдающимся французским писателям Ромэн Роллану и Андре Жиду.

По предложению генерального секретаря французского комсомола Раймона Гюйо, съезд принял текст обращения к организациям республиканской молодежи левого толка по вопросу об единстве.

Закрывая съезд, Гюйо еще раз остановился на вопросе о слиянии союза социалистической молодежи с комсомолом, подчеркнув необходимость и возможность немедленного слияния.

«Комсомольская правда», 24 марта 1936 года

...К сидящим в кафезинье подошёл ещё один человек в белом полотняном костюме и с элегантной тросточкой в левой руке. Он кончиком трости по-хозяйски придвинул стул и уселся, закинув ногу на ногу. Боев неодобрительно покосился на молодого человека и негромко высказал:

– Амиче Муссолини, вам бы стоило вести себя несколько поскромнее. Не стоит привлекать к себе излишнее внимание.

Бруно Муссолини – а это был он собственной персоной – самодовольно улыбнулся:

– Стоит ли переживать, компаньеро? Чем богаче я буду смотреться, тем меньше шансов, что мной заинтересуются местные ликторы! – с этими словами он поднял руку, на которой сверкнули несколько бесценных перстней с крупными камнями. – Кто из здешних легавых посмеет лезть к тому, у кого на руках – целое состояние?

– Бруно, дружище, а ты уверен, что нацепить на себя перстень Сфорца из музея Ватикана – стоящая идея? – ехидно поинтересовался Сашка. – Тоже мне, граф Монте-Кристо. И вот еще перстень Борджиа – тоже как-то не того...

– Зато в нем яда – на весь Рио хватит! – с довольной улыбкой отпарировал Муссолини-младший.

– Бруно, если ты забыл, то я напому: мы сюда приехали не отравить весь Рио-де-Жанейро, а вытащить из беды своих ребят.

– А вдруг придется кого-нибудь травить? – не сдавался Бруно, преданно глядя на своего друга. – Вот надо тебе, Алессандро, кого-нибудь отравить, а яда у тебя нет. И тут-то как раз перстень Борджиа и пригодится.

– Бруно, если мне понадобится кого-то травить, я зайду в ближайшую аптеку и сделаю такой яд, до которого обоим Борджиа – как отсюда до Аляски. Ползком, на карачках и жопой вперед. Хватит не то что на весь Рио, а на всю Бразилию.

– Научишь? – тут же спросил отпрыск первого секретаря Итальянской народной коммунистической партии. – Научи, а? А я тебе за это помогу самолет поприличнее раздобыть. И летать на нем научу, идёт?

Боев с удивлением взирал на эту пару. Двое мальчишек... ну, то есть не совсем мальчишек... или совсем не мальчишек... Лёд и пламя, причём в весьма опасном сочетании.

– Ладно, хорош трепаться, – закончил Белов. – Бруно, ты связь нашел?

– Да. Вот... – молодой Муссолини протянул небольшой грязноватый сверток и пояснил: – Это то, что я нашел в условленном месте.

– Слежки не было?

– Обижаешь. И меня еще Перруджио страховал...

– Давай посмотрим... – Белов протянул руку. – Гони свой стилет.

Бруно ловко повернул рукоять своей тросточки, и в его руке сверкнуло узкое хищное лезвие. В Италии было модно обучать фехтованию старой итальянской школы с использованием плоской шпаги и стилета, и молодой Муссолини заслуженно считался одним из лучших учеников...

Сашка взял тонкий стилет, взрезал сверток и достал несколько листков. Затем вынул из кармана блокнот, карандашик в серебре и принялся записывать расшифровку, шевеля губами.

– Юначе, все спросить тебя хочу: ты откуда бразильский знаешь? – спросил Боев.

– А... – махнул рукой Александр, не отрываясь от шифровки. – Как-то довелось несколько раз в Анголе работать и разок – в Мозамбике...

Бруно, которого не посвящали в истинную историю приемного сына Сталина, прислушался, но остался спокойным. Он уже привык, что его друг – человек совершенно необыкновенный, так что одной необыкновенностью больше, одной меньше – разница неощутима. Христо же, услышав ответ, задумался.

– Ангола? – протянул он, наконец. – Это в Африке? Португальцы?

– Себастьян Перейра, компаньон великого Альвица! – засмеялся Бруно.

Он очень любил книгу «Пятнадцатилетний капитан» и в детстве часто мечтал попасть в Анголу, воображая себя Диком Сэндом. С тех самых пор он и увлекся парусным спортом, а еще – боксом и фехтованием, чтобы при случае преподать подлым работаргавцам достойный урок. И теперь выясняется, что его лучший друг, на которого он так старается походить, уже побывал в стране его мечты! «Ну ничего: я еще всем покажу! – подумал Бруно. – Обгоню и перегоню Алессандро! Клянусь Мадонной и великим Лениным!»

Впрочем, переживал он напрасно – Бруно Муссолини был действительно отличным автогонщиком и гениальным пилотом¹⁰. Именно поэтому Сашка и согласился на включение молодого итальянца в их группу.

Белов закончил расшифровку, затем аккуратно сжег в пепельнице исходный и расшифрованный тексты и поднял руку:

– Так, слушаем внимательно. Христо, берёшь Павла, и едете на пляж Жакума, к озеру. Готовьте лодку. Теперь ты, Бруно. Раскочегаривай свою самобеглую коляску. Проверь топливо – нам его понадобится много. Ждешь меня у форта Рейс-Магус, напротив главных ворот. Движок не выключаешь – возможно, что стартовать будем с места, рывком. Не хоте-

¹⁰ Это – не фантазия авторов: Чарльз Линдберг – первый пилот, перелетевший Атлантику в одиночку, после знакомства с Бруно Муссолини записал в своем дневнике: «Если бы в его возрасте я умел столько же, то мог бы перелететь не Атлантический, а Тихий океан!» А Вольфрам фон Рихтгофен – кузен великого «красного барона», считал Бруно Муссолини «лучшим из пилотов, каких только мне довелось увидеть!»

лось бы, конечно, но... И дай знать Вернеру: вариант отсечки два. Ты меня начинаешь ждать в девятнадцать двадцать по местному. Если меня не будет до двадцати тридцати – забираешь Герлада и едешь на пляж. Я буду добираться сам. Сигнал для Вернера – красный платок на лице. Вопросы?

– Алессандро, а у меня нет красного платка, – огорченно сказал Бруно. – Да и вообще: к моему костюму красное не идет...

– Нет – купи. Цвет не обсуждается. Еще вопросы?

– Если у нас будет контакт с полицией? – спросил Христо Боев.

– Пока нас нет – улыбаетесь, откупаетесь, договариваетесь. Если мы появились – жестко сбрасываете контакт. Свидетели не нужны. Еще что-то?

– Нет. Никак нет.

– Расходимся.

...Белов шагнул по Наталу с видом «золотого мальчика», пресыщенного всеми наслаждениями этой жизни. Но при этом он внимательно, хотя и незаметно оглядывал все вокруг, четко фиксируя всех людей, могущих представлять собой потенциальную угрозу, и места, откуда эта угроза может исходить. Впрочем, пешком Сашка шел недолго: мимо то и дело проезжали извозчики, с надеждой поглядывавшие на потенциального седока. В четвертую по счету пролетку Александр и заскочил прямо на ходу, поерзал на лакированном деревянном сиденье и лениво бросил:

– Негра-Рибейра¹¹, и поживее!

Извозчик дернул вожжи, резко останавливая пролетку, и повернулся к седоку:

– Извините, сеньор... КУДА?!!

– Н-е-г-р-а-Р-и-б-е-й-р-а, – тщательно артикулируя, терпеливо повторил Сашка. – Понятно?

Жоакин Маранья потряс головой, всё ещё не веря, что не ослышался. Явно богатый юноша собирается поехать туда, где даже полицейские ходят только группами?! Да он там и пяти минут не проживет! Ну, может, его и не убьют, но уж поколотят за милую душу. Да еще и ограбят...

– Сеньор... – Маранья попытался придать своему голосу максимум убедительности, – Сеньор. Не надо бы вам туда ехать. Это – очень плохой район, молодой господин. Очень-очень!

Юноша усмехнулся и коротко бросил:

– Я в курсе. Двигай.

Жоакин обреченно вздохнул и сделал последнюю попытку отговорить странного пассажира от самоубийства. Он твердо заявил:

– Два мильрейса. И деньги – вперед.

Завысив цену раз в пять, он надеялся, что юноша передумает. Правда, он-то может и сойти, но поездка в Негра-Рибейра может и для извозчика закончиться... ну, скажем так, не слишком хорошо.

Парень кивнул, достал портмоне и вытащил из него монету в две тысячи реалов. Расплатившись, он откинулся на спинку сиденья и застыл, точно изваяние. Извозчик покорно подхлестнул лошадь вожжами, и пролетка покатила вперед.

Сашка сидел в пролетке, тщательно запоминая дорогу. Кто знает, как придется уходить? Негра-Рибейра здесь была аналогом Хитровки из книги Гиляровского, так что коммунисты, конечно, выбрали хорошее место в качестве убежища, но случиться может всякое.

¹¹ Один из районов Натала, бедная окраина.

За себя Александр не боялся: вероятность встретить на воровской окраине специалиста его уровня не просто мала, а исчезающее мала. Но когда он будет выводить оттуда двоих лидеров бразильской компартии – вот тут придется быть начеку.

Пролетка привезла его на узкую грязноватую улочку, на которой стояли не дома, а какие-то невообразимые хибары из картона, фанеры, гофрированного железа и пальмовых листьев.

– Вот, – сообщил извозчик, оборачиваясь.

– Где? – поинтересовался Сашка.

– Что «где»? – опешил извозчик.

– А что «вот»?

Водитель кобылы некоторое время осмысливал услышанное, но так и не сумел, а потому на всякий случай повторил:

– Вот, – и пояснил: – Негра-Рибейра.

– Замечательно, – кивнул Сашка. – Мне нужна руа ду Бом Жесус¹². Вези. Четвертый дом от мелочной лавки.

Слов «мелочная лавка» Белов на португальском по прошлой жизни не знал – не было такого чуда в Анголе, которая сразу из первобытнообщинного строя попробовала сигануть в социализм. Но в записке написали именно так, и Александр просто запомнил непонятные слова наизусть. Однако сейчас он понял, что не сможет проконтролировать, правильно ли везет его этот напуганный водитель кобылы. Отсчитать четвертый дом не сложно, но вот от чего надо начинать отсчет?

Впрочем, извозчик не производил впечатления человека, который мог рискнуть обмануть сурового и богатого седока. Поэтому Сашка сохранял спокойствие, лишь еще более внимательно запоминал дорогу.

Маленькая лавочка приютилась в хибарке лишь немного более прочной, чем окружающие ее домишки. Четвертой от нее стояла безумная халупа, сляпанная на живую нитку из старых ящиков и каких-то жердей. Белов остановил пролетку и коротко приказал:

– Жди здесь. Будем возвращаться. Плачу пять мильрейсов.

С этими словами он подошел к тому, что в этом жилище имело наглость именоваться дверью, и постучал, как указывали: два стука, один и снова два.

Дверь отворилась на удивление беззвучно, чего никак нельзя было ожидать ни от нее, ни от хижины, чей вход она прикрывала.

– Энтрар эм¹³, – сказали негромко из темноты.

Сашка вошел. Внутри хижины царил полумрак. На больших ящиках, игравших здесь роль табуреток, лавок или иных каких сидений, возле грубо сколоченного самодельного стола сидели четверо. Половина помещения, отгороженная старой холщовой занавеской, играла, должно быть, роль спальни. Александр бросил на нее быстрый внимательный взгляд, и один из сидевших встал и отдернул занавес. Взору Сашки открылся грубый широкий топчан, застеленный каким-то тряпьем.

Одного из людей за столом Белов узнал по фотографии и вскинул вверх сжатый кулак:

– Ола, камарада Престес!¹⁴ Моя фамилия – Сталин.

– Сын товарища Сталина?! – вскинулся Престес, внимательно вглядываясь в лицо вошедшего. – Святая мадонна-заступница, но этого не может быть!

– Хорошо, считайте меня призраком, – усмехнулся Александр. – Кто ваш товарищ?

Молодой худощавый парень наклонил голову и представился:

¹² Улица Великого Иисуса (*порт.*).

¹³ Входите (*порт.*).

¹⁴ Привет, товарищ Престес! (*порт.*)

– Амаду, – он застенчиво улынулся и добавил: – А зовут – Жоржи.

Сашка так и впился в него глазами. «Автор “Генералов песчаных карьеров”, “Лавки чудес”, “Какао” стоит передо мной во плоти?! Охренеть!» Это было сильнее его, и он, улыбувшись парню, негромко пропел:

Минья жангада вай саир пру маар
Воу трабальяр
Меу бень керер
Си деуш кизер кванд’ эу волтар ду маар
Ум пейше бом
Э воу тразер
Меуш компаньеруш тамбень ван волтар
Йа деуш ду сеу вamuз аградесер¹⁵

Теперь настала очередь Амаду в изумлении уставиться на русского. Он бодро отстучал ритм песни, а потом спросил:

– Что это за песня? Я никогда не слышал ее.

– Знаете, вот – «Генералы песчаных карьеров»...

– Простите, какие генералы?!

Амаду был потрясен. Он совсем недавно начал писать новый роман, даже название ему придумал – «Капитаны песка». А вот это...

Но Александру было некогда вдаваться в литературные детали. Он кивнул головой и приказал:

– За мной! Спокойно выходим и – в пролетку.

Но спокойно выйти не получилось. Возле пролетки стояли четверо полицейских, а еще один уже забрался внутрь и с суровым видом о чем-то расспрашивал извозчика. Престес было сделал шаг назад, но Александр снова бросил: «За мной». Не сбиваясь со спокойного шага, он выдернул из-под пиджака «вальтер». Один за другим ударили пять негромких выстрелов, следовавших так быстро, что казались очередью из пулемета.

Жоакин Маранья охнул и крупно вздрогнул. Сидевший рядом с ним на козлах жандарм стал заваливаться лицом вперед. Остальные полицейские попадали там, где стояли. А к нему уверенно шагал его седок, на ходу убирая небольшой пистолет с блестящим никелированным стволом. Следом за ним шел... Боже Иисусе! Это же сам Престес, командир непобедимой колонны, человек, за чью голову назначена награда в сорок пять conto де рейс¹⁶! Вот только во всей Бразилии не найдется ни одного рыбака, ни одного рабочего, и ни одного крестьянина, который польстился бы на эту награду! Кстати, извозчиков таких вы тоже не найдете, хоть все штаты обшарьте!

Жоакин спихнул с козел полицейского и распахнул дверцу:

– Добро пожаловать, сеньор Престес. Не волнуйтесь, домчим в один миг...

Белов устроил обоих бразильцев в глубине пролетки, помог кучеру поднять брезентовый верх, скрывший коммунистов от посторонних глаз, и они покатили на встречу с Муссолини. По дороге они увидели пару полицейских «фордов», которые неслись куда-то, но явно

¹⁵ Моя шаланда уходит в море. Иду работать, моя желанная, Если господь пожелает, то, когда я вернусь с моря, Хорошую рыбу я привезу. Мои товарищи тоже вернутся, И господа небесного мы будем благодарить (*порт.*) Песня из фильма «Генералы песчаных карьеров». Однако Сашка заблуждается: во-первых, Амаду написал этот роман только в 1937 году, а во-вторых – песня была написана Доривалом Каимми только в 1970 году специально для фильма.

¹⁶ Миллион реалов (*порт.*).

не на его выстрелы. Впрочем, если их кто-то и услышал, то, пожалуй, не обратил на них внимания: это Негра-Рибейра, а тут все может быть. Могут и зарезать, могут и застрелить...

...Бруно Муссолини не утерпел и подъехал к знаменитому старинному форту минут на десять раньше условленного срока. Алессандро велел ему подобрать скоростной автомобиль, который наверняка ушел бы от бразильских полицейских «фордов», но он уж никак не ожидал увидеть это серебристое великолепие – «Дюзенберг» модель SJ. Более скоростного авто на американском континенте не существовало – ну, разве что кто-то приобрел соотечественника Бруно – «Альфа-Ромео», да и то разница в скоростях вряд ли составит больше пяти-шести километров.

Правда, «Дюзенберг» стоил, по выражению молодого Сталина, «как самолёт», и за эту покупку он сперва изрядно выбралил молодого Муссолини – корректно, но жёстко. Зато потом, когда успокоился, согласился с тем, что к такому автомобилю не всякий фараон рискнет даже приблизиться, не то что остановить. Да и кузов – большой и вместительный – Алессандро понравился: он легко упрятал в него парочку пулеметов и три пистолета-пулемета. Да и деньги в нем тоже можно было хранить: в салон был встроен самый настоящий сейф! Небольшой, но без динамита не взломаешь...

Бруно погладил приборную доску из дорогого эбенового дерева и лишний раз восхитился этой могучей машиной. Красавец, ах какой красавец! Вот бы прихватить его домой... хотя из этого ничего не выйдет. У них и так будут проблемы с вытаскиванием здешних коммунистов, а тут еще и это двухтонное чудовище. Он даже не рискнет обратиться к Алессандро с такой просьбой. Хотя... Ха, мадонна! Кажется, способ все же есть! Надо только сообщить товарищам из итальянского посольства, чтобы забрали машину, а уж там... Клянусь великим Лениным, наверняка получится!..

Пролётка вылетела на площадь перед старинным фортом в девятнадцать сорок одну. Лихо остановилась возле блестящего хромом «Дюзенберга», и оттуда прямо в автомобиль высадились трое. Последний на мгновение задержался в пролетке и протянул кучеру две бумажки в пять мильрейсов:

– Вот, возьмите. И послушайте доброго совета: не болтайте о том, что сегодня видели. Извозчик гордо отвел от себя руку с деньгами:

– Благодарю, молодой сеньор, но мне не надо денег. Жоакин Маранья не берет денег за доброе дело.

Но юноша силком ткнул ему деньги:

– Спасибо, Жоакин, но вам еще надо семью кормить. Берите-берите, вам они пригодятся.

– Спасибо, молодой сеньор...

Автомобиль рванул с места, пробуксовав покрышками по брусчатке, и серебристой молнией помчал в сторону озера Жакума. Несколько полицейских постов, мимо которых пронесся этот четырехсотсильный зверь, только языками поцокали: «какая хорошая машина! Какие, наверное, счастливые эти богачи, которые могут купить себе такое чудо...»

На озере их ждали. Небольшая яхта, легко покачиваясь на низенькой волне, проскользила по водной глади и ошвартовалась у домика-понтон. Престеса и Амаду разместили в маленьких комнатках, еще в одной обосновались Герлад и двое местных коммунистов-боевиков.

– Старшим – товарищ Боев, – не терпящим прекословия тоном распорядился Белов. – Христо, связь по радио через немецкое посольство. Частоты и расписание связи: утром – прежнее, вечером – в восемнадцать ноль-ноль. В случае тревоги – сигнал «Метель»...

...Дворец Триадентиса¹⁷ охраняли, как и всегда, гвардейские «Драгуны независимости», сверкающие на солнце своими медными шлемами и белоснежными мундирами. Президент, а точнее сказать – диктатор Бразилии Жетулиу Варгас, которого еще именовали «Отцом бедных», вышел из дворца и двинулся к своему автомобилю. Он собирался сегодня отправиться в столицу штата Парана Куритибу. Там было необходимо встретиться с местными профсоюзными лидерами – представители большой польской общины в Бразилии опять выказали недовольство новыми требованиями текстильщиков, а местная еврейская община – чуть ли не самая большая в Южной Америке! – поддержала своих исторических врагов. Кроме того, в Куритибе мutilовали воду эмигранты-итальянцы, которые по примеру своего чокнутого лидера Муссолини ни с того ни с сего вдруг ударились в марксизм.

Варгас собирался лететь в сопровождении своей супруги Дарси, у которой оказались какие-то дела в паранском отделении «Легиона милосердия»¹⁸. Но на самом деле никаких неотложных дел у сеньоры Варгас не имелось. Просто она узнала, что супруга начальника охраны ее мужа Айме Лопец де Сотто Майор, на которую Жетулиу вот уже шесть лет бросает масленные взгляды, два дня назад отбыла к своим родителям как раз в Парану! А ведь уже все во дворце Катет¹⁹ шепчутся, что Луис Симое Лопец получил это место именно благодаря заслугам своей молодой жены. Которые особенно явно проявляются в горизонтальном положении.

Первая леди Бразилии ожидала мужа в автомобиле, который должен был доставить президентскую чету на аэродром. Вот Жетулиу вышел из дворца правительства, вот уже спешит его свита, вот он подошел к монументу Триадентиса и, как обычно, коснулся цоколя рукой на удачу...

Винтовочный выстрел громом прокатился над улицей Примьеро ду Марко, и прямо возле ноги Жетулиу Варагаса фонтанчиком брызнул удар пули, и вверх с визгом взлетела асфальтовая крошка. Тут же со всех сторон к президенту-диктатору кинулись охранники, секретари и прочая обслуга. Вся эта толпа повалила Жетулиу Варгаса на раскаленный асфальт и устроила настоящую куча-малу, яростно сражаясь друг с другом за право прикрыть горячо любимого повелителя своим верноподданническим телом. И над всем этим безобразием повис заполошный, уходящий в ультразвук визг первой леди, до которой только через пару секунд дошло, ЧЕМУ она сейчас стала свидетелем.

Через два часа в Палашу ду Катет, который гудел точно растревоженный пчелиный улей, Луис Лопец докладывал президенту:

– Выделенные полицейские силы прочесали все дома, из которых, предположительно, мог быть произведен выстрел. Но результат... – тут начальник охраны запнулся и покаянно замолчал.

– Никакого? – иронично приподняв левую бровь, поинтересовался Варгас. – Совсем?

– Были предварительно допрошены все, кто мог стать свидетелем этого подлого покушения, но... – зачастил было Лопец, но вдруг, резко сбавив тон, закончил: – Выявлены четыре дома, в которых появлялись какие-то неизвестные люди, однако обыск не дал результатов, могущих дать уверенность... то есть вот... не дал и... а если это не дает...

¹⁷ Триадентис (с португальского – «зубодер») – прозвище национального героя Бразилии Жоакина Жозе да Сильва Швьера (1746–1792). Организатор и глава заговора в Минас-Жераисе в 1789 году против португальского владычества. Казнен.

¹⁸ «Легион милосердия» – общественная женская благотворительная организация, организованная в 1930 году Дарси Варгас.

¹⁹ Бывшая резиденция президента в Рио-де-Жанейро (до переноса столицы).

– Лопец, а какие-нибудь другие слова, кроме «дать», вы помните? Ну, хотя бы «взять», например.

– Ваше превосходительство, поймите: полиция делает все возможное... Ваша охрана приведена в боевую готовность...

– Это может обеспечить защиту от следующего покушения?

– Теперь мы создадим вокруг вас, ваше превосходительство, зону полного контроля, так что...

– Так что я не смогу общаться с людьми иначе, как по телефону?

– Но соображения безопасности... – жалобно пролепетал Лопец.

В этот момент кабинет взорвался надрывным звоном телефона. Начальник столичной полиции доложил, что президентский самолет оказался заминирован, а эксперты изучили извлеченную из асфальта пулю крупного калибра:

– Обнаружена одна особенность, ваше превосходительство! На брикете взрывчатке и на пуле обнаружены буквы.

– Какие?

– Ola!

«Вот как? – мрачно подумал Варгас. – Однако какой оригинальный “привет”...»

...В сорока милях от бразильского побережья покачивался на океанской зыби тяжелый крейсер «Гориция». Из-за абсолютного, мертвого штиля находиться на корабле было удивительно некомфортно: душно, влажно и жарко. Вахтенные, обливаясь потом, напряженно всматривались в пустоту водной глади, но что в пустоте можно разглядеть? Ничего.

Рядом с «Горицией» на плавучих якорях стоял крейсер «Спартак», который вплоть до самого последнего времени носил название «Больцано». С него тоже внимательно оглядывали пустой горизонт. С тем же успехом...

Флаги висели тряпками, матросы бегали значительно медленнее, чем этого требует военно-морской флот, офицеры очумело смотрели в море, давясь сигаретным дымом, и все пытались расстегнуть легкие тропические форменки. Начинался третий день муторного ожидания. Причем цель этого стояния на месте, по-видимому, известна только командирам кораблей. Если, конечно, она и им известна.

И вдруг все как-то сразу изменилось. Моряки оживились, на фалах взвились флажные сигналы, а на «Гориции» совершенно неожиданно начали готовить к старту гидросамолет. Не обычный корректировщик, а новенькую летающую лодку «Савойя-Маркетти» SM.80.

Причиной этого переполоха стало появившееся на горизонте суденышко. Оно медленно приближалось, отчаянно шлепая винтом и напряженно пыхтя изношенным дизелем. Самолет уже давно был готов, уже подвахтенные скопились на палубах, ожидая какого-то невероятного зрелища, а старичок все еще никак не мог дойти до могучих красавцев – гордости военного флота Народной Социалистической Италии.

«Надо было адмиральский катер спустить, – разочарованно подумал командир “Гориции”. – Как бы наш “инфант” не нажаловался батюшке...»

В отличие от всех остальных в небольшой эскадре, капитан первого ранга Ленацци знал, что на борт к ним прибывает Бруно Муссолини. Именно для него и привезена новейшая летающая лодка, именно для него приготовлены каюты на крейсере, и именно для каких-то его **ОЧЕНЬ ВАЖНЫХ** дел сюда торопится трансатлантический лайнер «Рома».

Но вот наконец старенький рыболовный баркас дополз до борта «Гориции». С него на борт действительно поднялся сын первого секретаря народной компартии, но... Бруно Муссолини откозырял Ленацци, передал ему запечатанный конверт, а затем быстро спустился в летающую лодку. Застреляли моторы, лодка побежала, вздымая каскады бриллиантовых

брызг, затем прыгнула на зыби раз, другой и, взмыв в воздух, унеслась в тропическое небо. И снова на маленькой эскадре потянулось долгое, непонятное ожидание...

Приводнение SM.80 на озере Жакума никого особенно не удивило. Ну, разве что конструкция самолета незнакома – так и в этом нет ничего особенно удивительного. Мало ли какие капризы у богачей!

Летающая лодка спустилась, подняв тучу брызг, и словно катер-глитсер побежала к стоявшему на якорях вдалеке от пляжей домику-понтону. Пришвартовалась, летчик вылез на крыло, и из домика ему начали передавать канистры с бензином. Самолет заправлялся около часа, а затем из домика на SM.80 загрузились двое. Летчик помахал рукой тем, кто, наверное, оставался на понтоне, хотя они и ухитрились никому не показаться на глаза, затем скинул тонкий швартовый тросик и умчался туда, откуда и появился.

К вечеру к «Гориции» подошла все та же летающая лодка. С нее на крейсер поднялись лидер Бразильской коммунистической партии Луис Карлос Престес и сопровождавший его начинающий прогрессивный писатель Жоржи Амаду. А Бруно Муссолини перебрался на ожидавший его баркас. Тот снова запыхтел, закашлял, зачихал и потянул в сторону невидимой за горизонтом Бразилии. Эскадра же опять погрузилась в странное сонное ожидание неизвестности...

В ночь после покушения Палашу ду Катет не спал. По коридорам бродили какие-то неприятные личности в штатском, гулко бухали сапогами «Драгуны независимости», занимающие посты или сменяющиеся с оных, затравленно метались лакеи и прислужники. Привидениями скользили врачи, пытавшиеся прекратить затянувшуюся истерику первой леди, торопились курьеры, повара и кухонная обслуга в темпе катастрофы готовили национальные блюда – у господина президента на нервной почве проснулся бешеный, достойный ягуара, аппетит, и он ужинал вот уже четвертый раз. Потерянно шагали генералы, которых подозревали в попытке свергнуть президента, а за ними тенями крались агенты тайной полиции – словом, во дворце был натуральный пожар в борделе во время наводнения. Поэтому никто особенно не удивился, когда президенту сообщили, что с ним желают встретиться посол Народной Социалистической Италии и сопровождающие его лица.

– Какого черта ему надо? – поинтересовался Варгас, в сотый раз разглядывая свой ботинок. На ранте подошвы был виден четкий след от пули, лишь чудом не поразившей его самого. – Почему он хочет видеть меня, а не министра иностранных дел?

– Простите, ваше превосходительство, но он не объяснил. Из посольства сообщили, что посол настаивает на немедленной встрече.

– Настаивает? Отказать! – резко бросил Варгас. – Вот только коммунистов мне сегодня и не хватает! Решили доделать то, что начали днем?!

С этими словами он махнул рукой, отпуская секретаря, и снова принялся разглядывать свой ботинок.

Успокаиваться дворец начал лишь к утру. Сам президент изволил отбыть спать в полпятого пополудни в самом скверном настроении. Не помогали ни успокоительные, ни отменный ром, ни старый коньяк. Варгас даже решил провести эту ночь с опостылевшей Дарси, но она так и не отошла от своей истерики. Оставалось только крепко выругаться, помянуть недобрым словом всех нервных дур, завалиться в кровать и мечтать о том, чтобы сон пришел как можно скорее...

– Сеньор Варгас?

– А?!!

Президент Бразилии сел на постели, дико озираясь по сторонам. На пуфике возле зеркала сидел человек в надвинутой на самые глаза широкополой шляпе. Он поднял руку и слегка коснулся пальцами своего головного убора:

– Я пришел поговорить с вами.

– А?!!

– Сеньор Варгас, прекратите орать. Во-первых, это неприлично, а во-вторых, придется заткнуть вам рот. Что, согласитесь, не способствует нормальному диалогу...

Жетулиу Варгас сглотнул, открыл было рот, но тут же снова его закрыл. Перспектива получить в рот кляп его решительно не устраивала.

– Речь идет о тех, кого после ноябрьских событий ищут вся ваша полиция и подобные службы. Многим из них уже вынесены приговоры, совершенно несправедливые, замечу. Сообщаю вам, что Коминтерн против подобной активности властей Федеральной Республики Бразилия.

Варгас снова сглотнул и попытался что-то сказать, но голос так и не появился.

– Поэтому Коминтерн в моём лице делает вам следующее предложение: вы завтра же издаёте президентский указ об амнистии всех участников этих событий и прекращаете все преследования коммунистической партии в целом и ее членов по отдельности. Вам понятно?

Президент сумел выдать слабое мычание, в котором, однако, можно было уловить нотки согласия.

– Вот и замечательно, – человек встал и поднял с туалетного столика ботинок, оцарапанный пулей. Повертел в руках, поднес к глазам и отчетливо хмыкнул: – Вижу, вас впечатлило мое «здравствуйте». Прошу вас – не заставляйте меня отправлять вам мое «прощайте».

Он не торопясь двинулся к двери спальни, затем вдруг резко обернулся:

– Послезавтра, – тут он поднял к лицу руку с часами и поправился: – То есть уже завтра в здешний порт прибудет эскадра Народной Италии вместе с лайнером «Рома». Мы заберем с собой несколько человек... – он снова отчетливо хмыкнул. – Латиноамериканская секция Коминтерна, знаете ли. Да вы не волнуйтесь: мы потом всех вернем. А вы уж позаботьтесь, чтобы нам не мешали. Заранее благодарен.

Он снова коснулся пальцами шляпы и вышел. И только тогда Варгас понял, что пижама и постель под ним промокли и весьма характерно и неприятно пахнут...

Хью Синклер, адмирал флота Его величества, был не просто кадровым офицером, а офицером уже в десятом или одиннадцатом поколении, что, конечно, давало ему определённые преференции в среде аристократов, но налагало и множество ограничений. Например, он не мог сейчас, двигаясь к офису, ругаться в голос, а мог лишь «держатъ лицо», хотя ему до чёртиков хотелось именно ругаться. Грязно и долго, словно боцман, у которого половина команды нажралась как свиньи, а вторая половина просто не вошла на борт.

Доклад, который он получил ещё ночью с правительственным курьером, позволял адмиралу подготовиться к заседанию Тайного Совета, но ничего толкового в голову не приходило. Здание Британской империи рушилось, словно из него разом вынули все гвозди.

Индия пылала нефтяной цистерной, сжирая людей и ресурсы, Судан после победоносной Итальянской войны бурлит словно котёл, Пенджаб уже фактически отвалился, и даже Австралия вдруг начала топорщить перья! И везде, буквально везде нужны английские штыки! Но нет столько людей в старой доброй Англии, чтобы заткнуть все дыры огромных колониальных владений, а верные Британии туземные полки почти все израсходованы.

Синклер поднялся по широкой лестнице и, кивнув секретарю, прошёл в кабинет, где его уже ждали свежая пресса и чашка горячего чая.

Питер Дженкинс, молодой, но подающий надежды служащий, закончивший недавно Оксфорд, уже стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, с толстой папкой в руках.

– Что там у вас, Питер?

– Ничего срочного, сэр. Но просится на приём сэр Адер. Уже три раза интересовался.

– Зови, – адмирал, уже успевший снять пальто и котелок, сделал первый за этот день плоток.

– Сэр? – полковник Адер, занимавшийся в ведомстве Синклера особо сложными делами, был насквозь гражданским лицом, но тем не менее носил высокое звание вполне по праву, так как на его счету было немало успешных специальных операций по всей земле, и подчинённые уважительно называли полковника «Крокодил» за острые зубы и крепкие челюсти, никогда не выпускавшие добычу.

– Проходите, Роберт, – адмирал сделал широкий жест и исподлобья остро взглянул на подчинённого. – Чувствую, у вас есть чем озадачить старика.

– Да, сэр, – полковник коротко кивнул. – Вчера передали с утренней диппочтой. – Он положил на стол перед адмиралом толстую папку и открыл её в самом конце. – Я позволил себе сначала запросить мнение специалистов и, лишь получив их отчёт, решил идти к вам.

– Что это за страх божий? – Синклер смотрел на тщательно разглаженный рисунок чудовища, сделанный карандашом на небольшом листке, видимо, вырванном из блокнота.

– Наш человек случайно пересёкся с Маугли. Так, сэр, мы обозначили...

– Я помню, что так мы называем этого сталинского выкормыша, – зло бросил Синклер и вопросительно посмотрел на полковника в ожидании пояснений.

– Это было нарисовано им во время полёта на дирижабле «Дерулюфт» рейса Москва – Женева. Потом, к сожалению, агент потерял его, но вот эти два наброска сумел вытащить из мусорной корзины.

– Бред сумасшедшего, – губы адмирала сомкнулись в тонкую линию.

– А вот доктор Кеттел, молодой, но весьма уважаемый специалист в области психологии и психиатрии, утверждает, что рисунок сделан безусловно в твёрдом уме и здоровой памяти, так как имеет очень высокую степень детализации, не свойственную рисункам психически больных. Кроме того, у меня есть заключения нескольких биологов из Королевского общества, и они также утверждают, что нарисованное существо безусловно может существовать. И Альфред Адлер, тоже психолог и психоаналитик, обратил наше внимание на два момента. Первое – это трубки, идущие по всему телу и к голове, что косвенно указывает на искусственно созданное существо, а второе – вот на это, – тонкий карандаш упёрся в вытянутую голову чудовища.

– Что там? – адмирал потянулся за лупой и склонился над рисунком. – Звезда?

– Да, сэр. Полагаю, что есть вероятность существования подобного создания как минимум в одном экземпляре, и оно используется красными в военных целях.

Адмирал отложил лупу и откинулся на спинку кресла. Он знал кое-что ещё, чего не знал Адер, и поэтому узор в его голове вырисовывался куда чётче. Он встал, подошёл к стенному сейфу и, нащёлкав код, распахнул тяжёлую створку.

– А что вы скажете на это?

На стол перед полковником плюхнулась тоненькая пачка фотокопий рисунка, где был явно изображён летательный аппарат. Но какой! Крестообразные крылья, тонкий вытянутый нос и явно пушечное вооружение на концах крыльев.

– Вот уже год итальянские, германские и русские авиаинженеры работают в условиях высочайшей секретности. Это всё, что нам удалось получить, и не спрашивайте, как. Фактически чудом.

– Вы полагаете, что они делают вот это? – полковник поднял фотографию.

– Я ничего не полагаю, – отрезал Синклер. – Я просто спрашиваю вас. Кстати, можете подшить к делу.

– Признаюсь, сэр, в голове у меня версии одна причудливее другой, – Адер покачал головой.

– Ну, например? – Синклер усмехнулся.

– Они как-то получили портал в будущее и таскают оттуда знания?

– Возможно, – адмирал поощрительно улыбнулся.

– Или этот Белов-Маугли – сам из будущего?

– Вот это вряд ли, – Синклер покачал головой. – Мальчишка. Конечно, вышколен и подготовлен на зависть, но не учёный и не исследователь. Простой головорез, каких мы тоже можем готовить сотнями, если озаботимся этим вопросом. А для того, чтобы загрузить три десятка авиационных инженеров, нужно что-то более весомое, чем наброски и рисунки. Общие схемы, принципы работы, да даже принципы управления. Между телегой и автомобилем – пропасть, а между этими летательными аппаратами и тем, что мы строим сейчас, пропасть в три раза глубже, если там вообще есть дно у этой ямы.

На рейде Рио-де-Жанейро стояли два новейших тяжелых крейсера. Расцвеченные флагами, они совсем не походили на совершенные машины убийства. Своими темными стройными силуэтами, опоясанными разноцветьем сигналов, корабли напоминали стройных темнокожих девчонок из школы самбы «Deixa Falar»²⁰ – совсем не страшными, а веселыми и задорными. А над причалом нависал высокий борт – «Рома».

Огромный, точно айсберг, величественный, словно дворец, и прекрасный, как гордый лебедь, лайнер, который притянули к берегу похожие на невесомые паутинки швартовы, был украшен еще лучше. Над трапом была сооружена дощатая арка, увитая кумачом и украшенная флагами всех трех социалистических государств, а за компанию – флагами народных Монголии и Тувы. Три огромных портрета: Сталин во френче, Тельман в угловатой фуражке и Муссолини в красной рубашке – скрывали надстройки. Все три лидера улыбались добрыми отеческими улыбками, а над ними между труб стояло уже вовсе гигантское полотно – идущий в распахнутом пальто с красным бантом на лацкане улыбающийся всем Ленин.

По бокам арки были растянуты транспаранты – громадные белые буквы на алых полотнищах: «Привет юным бразильцам от детей Союза ССР!» «Юные друзья! Добро пожаловать в Народную Италию!» «Пионеры СССР, ГСФСР и НСИР – братья пионеров Бразилии!».

Над лайнером постоянно гремела музыка. Детские хоры пели красивые, мелодичные, но неизвестные, непонятные песни. Немногие немецкие и итальянские эмигранты, оказавшиеся в порту, пробовали переводить, но получалось хотя и смешно, но все равно непонятно.

Возле входной арки стояло около двух десятков моряков в парадной форме. Розовощекие здоровяки чередовались с какими-то жилистыми парнями, чем-то неуловимо похожими на мастеров капоэйры. Правда, все они улыбаются и приветливо машут руками, но один из полицейских – умудренный службой ветеран, случайно перехватил острый взгляд одного такого «жилистого» и мгновенно покрылся холодным потом, несмотря на жару. Очень уж характерным был этот взгляд. Даже не убийцы – палача...

А «Отца бедных» критиковали, «Отцом бедных» восхищались. Кто-то протестовал против амнистии коммунистов, кто-то восхищался дальновидностью попытки возобновления союза с партией, победившей в России, Германии и Италии. Спорили все и везде: в аристократических клубах и нищих лавчонках, в баснословно дорогих ресторанах и забегаловках, где за двадцать рейсов вам нальют рюмку самогона, спорили на широких площадях и узеньких грязных переулках. Нищие рыбаки и преуспевающие адвокаты, поденные рабочие и солидные латифундисты, разносчики и генералы. И каждый доказывал свою версию поку-

²⁰ «Дай скажу», «Поговорим» (*порт.*) – название старейшей школы самбы в Бразилии. Основана в 1928 году.

шения на президента Варгаса, каждый называл разных заказчиков, в число которых попали и ненавистные гринго, и старая аристократия, и индейцы Амазонки, и каучуковые плантаторы, и даже – один Иисус ведаёт, почему! – эмигранты с никому не известной Украины. Но почему-то никто не считал виновными ни команданте Престеса – его, верно, уже и в стране-то нет, ни немцев из посольства, хотя они и раздавали винтовки во время ноябрьского мятежа.

– ...Простите, сеньор Жуньес, но вы недооцениваете этих красных нибелунгов. Вспомните, как они разобрались с Гитлером? Если бы они покушались на Варгаса, он вознесся бы на небеса вместе со всем правительством. А возможно – и с половиной Рио в придачу.

– Пожалуй, что вы и правы, сеньор Хименец, это действительно больше соответствовало бы их правилам ведения политической борьбы...

– ...А я тебе точно говорю, Жоакинью: немцы в одного стрелять не станут. В ноябре они помогали Престесу и его людям, так чтоб им было не стрельнуть Варгаса уже тогда? Нет, если бы это немцы – они б из пулеметов весь дворец разнесли. Или самолет бы послали – бомбы бросить. Так с чего б им теперь начинать?

– Ух ты! Похоже на правду, Маффёу. Вот не зря ж тебя самым умным считают...

Такие или почти такие разговоры шли два дня подряд, когда громом среди ясного неба грянуло известие о приходе в Рио итальянских крейсеров. А когда выяснилось, что вместе с ними пришел целый громадный лайнер, на котором собираются увезти за океан в Италию, Германию и Россию ребятишек из семей коммунистов, да и просто – из бедняков, разговоры о покушении тут же и утихли: появилась новая тема...

– ...И разве можно позволить детским неокрепшим умам отправляться в страну безбожников? Кто вернется оттуда?! Еретики?! Коммунистические диверсанты?!

– Может, они и безбожники, но у них лечат бесплатно, учат бесплатно и сыты все. Если ребята устроят у нас такие же диверсии, я и моя семья будем не против!

– ...Разумеется, это – весьма коварный шаг со стороны большевиков. Сейчас они покажут детям все лучшие стороны своего строя, благоразумно умолчав о худших. И оттуда вернутся пропагандисты – хорошо подготовленные и истово верующие в свою правоту.

– Ну-ну. Не всё так плохо, сеньор, не всё. Как бы там ни было, у большевиков очень много проблем, причем таких, которые просто бросаются в глаза. Ну, к примеру – карточная система, нехватка жилья, поражение в правах некоторых слоев общества. И до окончательного решения еще очень далеко. Так что дети вольно или невольно увидят и прочувствуют их. И пропаганда, скорее всего, не будет иметь столь серьезного эффекта, которого вы так опасаетесь.

А в порту уже собиралась толпа. Вечером лайнер «Рома» еще раз удивил бразильцев: в порту устроили бесплатный показ кинофильмов. Между двух портовых кранов натянули огромное полотнище марли, размерами едва-едва уступавшее футбольному полю, а потом...

С лайнера ударил ослепительно-белый конус света, и на марле словно на экране появилось изображение. Сперва показали парады в Москве и Риме, демонстрацию в Берлине, бескрайние поля в России и какие-то заводы в Германии и Италии. После долго выступали

Сталин, Тельман и Муссолини, а с борта лайнера через мегафон выкрикивали перевод. И кульминацией стал художественный фильм «Москва смеется»²¹.

К этому моменту в порту уже было не протолкнуться: докеры, рыбаки, матросы с других судов. А кроме того – таможенники, полицейские, шлюхи, бродяги, даже воры и огромное число тех, кто просто пришел в порт поглазеть на удивительных коммунистов. Шныряли вездесущие мальчишки, хихикали жеманные девчонки, строившие глазки морякам возле арки, переминались с ноги на ногу смущенные парни... И в этот момент им всем открылась веселая сказка.

Песни были непонятны, но мелодичны и легко запоминались. А уж смешные похождения героев Утесова и Орловой сразу завладели вниманием зрителей. Из порта неслись громовые раскаты такого хохота, что, казалось, от него обрушится статуя Христа Искупителя и засыплет обломками город. Если тот раньше не рухнет сам от этого веселого и радостного смеха...

На следующий день в порт прибыла первая партия ребятишек, отправляющихся за океан. А вместе с ними – с полсотни крепких юношей и девушек лет четырнадцати-шестнадцати и десятка два взрослых. Это вроде как было неправильно – речь ведь шла только о детях, так что наперерез неподходящим пассажирам дружно ринулись таможенники, пограничники и полицейские. Им навстречу шагнуло человек десять моряков из числа дежуривших возле кумачовой арки. Толпа коротко вскипела, подалась вперед, предвкушая побоище, но...

Драки не было. Да и быть не могло: столкновение с советскими закончилось, практически не начавшись. Штук пять особо ретивых полицейских, решивших замахнуться своими дубинками на моряков и их гостей, вдруг ощутили, что лежат на причале, перед глазами у них отплясывают самбу небесные звездочки, а весь организм разрывает дикая, нечеловеческая боль. От такой боли хотелось кричать, выть, орать благим матом, но обнаружилось, что у каждого голос куда-то исчез. У единственного пограничника, попробовавшего угрожающе поднять винтовку со штыком, оружие моментально изъяли, разрядили, отомкнули штык, вынули затвор и вернули назад все по отдельности. А стоявший рядом румянощекий здоровяк укоризненно погрозил пальцем таможеннику, лапнувшему было кобуру, и пророкотал утробным басом:

– Не шали!

Жилистый матрос в отутюженной форменке, с чистыми погонами, но повадками офицера, вдруг произнес, слегка коверкая слова:

– Все это согласовано с вашим президентом. Можете запросить. А пока отойдите во избежание...

Никому не захотелось уточнять, чего именно они избегнут, а потому все власть предержащие дружно отступили шагов на десять. Им оставалось только наблюдать, как двое юношей встречали детей у трапа. Вскоре к ним присоединилась миловидная белокурая девушка.

Кто-то из полицейских не нашел ничего лучше, как спросить у дежурных моряков, указывая на молодых людей:

– Юнги? Буфетчица?

В ответ моряк захохотал, а потом совершенно спокойно ответил на плохом, но вполне понятном португальском:

– Бери выше, дружок.

– О! Неужели эти юнцы – гардемарины?

– Еще выше.

²¹ Так в зарубежном прокате называлась кинолента «Веселые ребята»

– Неужели офицеры? – поразился полицейский. – Не молоды они для офицерских чинов?

– В самый раз, – гордо заметил еще один моряк, подошедший к своему коллеге. – Это – дети руководителей наших стран. Сыновья товарищей Сталина и Муссолини и дочь товарища Тельмана!

– А-а?! – только и смог выдавить из себя полицейский.

– Ага, – расплылся в ухмылке матрос. – Вот так-то, фараон, дивись, какие в нормальных странах порядки!..

...В каюту старшего помощника осторожно постучался Василий Сталин:

– Немец, к тебе можно?

В ответ – тишина. Красный постучал чуть сильнее:

– Немец, ты просил...

– Заходи, – голос спокойный, но какой-то мертвый.

Василий вошел и уперся взглядом в Сашку, сидящего на койке. Рука Немца лежит возле подушки, и сводный брат точно знает: там лежит «вальтер» на боевом взводе. Это правильно – Надмит всегда повторяет: «Самый сильный враг воина – неготовность. Воин Маг-Цзал должен быть всегда готов ко всему».

Сашка вопросительно посмотрел на Василия, и тот сразу доложил:

– Была попытка местных силовиков помешать погрузке.

– И?

– Два отделения алабинцев пресекли попытку. С нашей стороны потерь нет, с их – человек пять «трёхсотых».

Немец молча кивнул. В принципе, Василий и не ожидал от сводного брата ничего другого: Бруно говорил, что Сашка последние три дня вообще не спал. Некогда было. А они с Ирмой в это время просто летели в дирижабле. Черт, а Ирма – классная девчонка. Куда там этой Гальской...

– Иди, Красный, – спокойный жест. – Иди, а то Ирма скучать будет...

Вот черт! А Немец всегда будто мысли читает. Зараза!

– Ладно, Сань. Я пошел, а ты поспи еще...

– В случае чего – буди.

На пороге Василий обернулся: Сашка спокойно спал. Черты его лица заострились, и стали какими-то хищными, жестокими. Но дыхание было ровным и спокойным. Немец спит, и как всегда – без сновидений...

Василий осторожно закрыл дверь и поспешил наверх: скоро должна прибыть новая группа маленьких бразильчиков. Надо встретить: Сашка зря не попросит...

3

*Что такое военное искусство? Искусство быть сильнее
неприятеля в известный момент. Вот и всё.
Лев Толстой. «Война и мир»*

Воздушный корабль для Арктики

Молодые конструкторы Дирижаблестроя тт. Харабковский, Костромин, Шак, Швырев и Пятышев разработали конструкцию жесткого дирижабля «ДЖ-19», планируемого для научно-исследовательских полётов в Арктике. Постройка такого дирижабля уже началась на подмосковной дирижабельной верфи.

Начальник конструкторского бюро № 1 Дирижаблестроя тов. Харабковский сообщил о новом дирижабле следующее:

– Строящийся новый дирижабль «ДЖ-19» будет значительно превосходить по объёму «СССР – В-22». ДЖ-19 будет иметь длину 200 метров, ширину 32 метра и высоту 40 метров.

При проектировании этого корабля нами было уделено особое внимание аэродинамическим свойствам и тяговооружённости воздушного судна. Эту задачу мы разрешили успешно.

Дирижабль спроектирован с повышенным запасом прочности и особой противообледенительной системой, позволяющий ему выполнять работу в высоких широтах при критически низкой температуре воздуха.

Для того чтобы предоставить пассажирам и команде в полёте наибольшие удобства, мы обращаем исключительное внимание на тщательность отделки внутренних помещений и их рациональной планировке.

В гондоле запроектировано 28 кают, три лаборатории, санитарный блок, салон-читальня, курительная комната и электрокухня.

«Правда», 2 апреля 1936 года

Кремлевский кабинет освещала единственная настольная лампа под стеклянным зеленым абажуром. В кабинете двое. Пожилой рыжеватый человек с рябым от оспы лицом не спеша раскуривает трубку, совсем юный блондин сидит на диване, прихлебывая чай...

– Ты говоришь, что тебе снова надо будет идти на войну, – произнес Сталин, гася в пепельнице спичку. – А позволь задать тебе всего один вопрос: ты всерьёз считаешь, что самая большая польза от тебя будет именно на фронте?

– Не на фронте, – юноша слегка покачал головой, и от этого движения в стакане чуть звякнула ложечка. – Во вражеском тылу.

– Пусть так, товарищ Саша. Но ты забыл ответить на мой вопрос.

После недолгой паузы Белов твердо ответил:

– Да, товарищ Сталин. Я больше ничего не умею. Я – хороший солдат. Не хвалясь, скажу: сейчас я, вероятно, один из лучших солдат в мире. Если не самый лучший. Так почему вы не хотите применить меня по назначению?

Снова недолгая пауза, коротко всхлипывает трубка.

– Как интересно ты, товарищ Саша, рассуждаешь: «Я больше ничего не умею». Это правда?

– Ну... Да, я знаю кое-что из нефтехимии, но все, что я помнил, я уже рассказал. Теперь этим занялись те, кто лучше меня разбираются в самом производстве, в планировании, в возможностях и потребностях страны. А я уже не нужен. И, объективно говоря, если завтра я погибну – ничего особенно страшного не произойдет. Я честно поделился информацией, изложил все необходимое в наставлениях, методичках, заметках... – Сашка поставил опустевший стакан на стол и характерным движением потер переносицу. – Вы произвели меня в члены ЦК, хотя я еще даже не член партии. Вы дали мне высокое звание, а зачем? Какой из меня корпусной комиссар? Курам на смех!

– Да? А вот мне товарищ Буденный докладывал, что операцию по захвату Аддис-Абебы предложил именно ты, товарищ Саша. Он меня обманывал?

– Хм... Нет, разумеется. Семен Михайлович, кажется, вообще не умеет обманывать... – Белов помолчал, стараясь сформулировать свою мысль, и продолжил: – Но я предложил только идею – детальный план операции разрабатывали другие. Кстати, хочу отметить: я плохо считаю логистику соединений и их тылов. Мой предел – полк, да и то – не строевой, а специального назначения.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – Сталин выпустил голубоватый клуб ароматного дыма. – Ты – не самый лучший штабист или начальник тыла, но вполне можешь проконтролировать их работу и заодно предложить какие-то действия, еще не известные у нас или не имеющие широкого распространения? Так?

– Ну... В принципе – да...

– В принципе – это очень хорошо... – Сталин усмехнулся в усы. – А если не в принципе, а в Генеральном Штабе РККА?

Белов задумался. В словах Иосифа Виссарионовича имелось рациональное зерно: он действительно располагал если не знаниями, то опытом будущего времени, в котором уже были другие цели, требования, угрожающие факторы. И главное – другие задачи. Но он же не генерал, не ученый, не конструктор, не производственник! Он – просто очень хороший ликвидатор...

– И вот еще что, – словно прочитав его мысли, добавил Иосиф Виссарионович. – Сейчас товарищ Белов-Сталин – это консультант товарища Сталина по множеству вопросов. Он не ученый, не конструктор, не военачальник, но знает пути развития научной и военной мысли. Как минимум – результаты этого развития. И может оказать важную помощь в принятии решений, нужных для советской страны. А вместо этого товарищ Саша собрался на войну – резать всяческих Пилсудских и других прочих-разных. И считает, что это – важнее, чем быть на том месте, которое ему определили партия и правительство. Я правильно понимаю?

В кабинете наступила тишина: два человека буровили друг друга взглядами. Наконец, Белов наклонил голову и отвел глаза.

– Это надо понимать так, что товарищ Белов-Сталин осознал свои ошибки и разоружился перед партией, – спокойно не то спросил, не то утвердил Сталин. И, не дождавшись ответа, закончил: – Русский народ говорит: «Молчание – знак согласия»...

Позапрошлый, тысяча девятьсот тридцать четвертый год был богат на политические события. Однако два из них – создание Балканской и Балтийской Антант²² – являлись едва ли не самыми важными в жизни Европы, и, кроме того, они имели еще и значительное полити-

²² Балканская Антанта – военно-политический союз Греции, Турции, Румынии и Югославии, заключенный в Афинах 9 февраля 1934 года. Балтийская Антанта – военно-политический союз Латвии, Литвы и Эстонии, заключенный в Женеве 12 сентября 1934 года.

ческое продолжение. Существовавшая до той поры Малая Антанта получила важное, пусть пока и потенциальное, пополнение.

Но самым существенным фактором, усилившим Малую Антанту, стало вступление в нее Польши. После смерти Пилсудского весной тридцать пятого польский президент Мосьцицкий²³ в результате недолгих размышлений пришел к закономерному выводу: за территориальные приращения в Германии придется расплачиваться. Причем очень скоро и очень жестоко. Оффензива²⁴ не зря ела свой хлеб, и о решении военно-политического союза социалистических государств потребовать возвращения оккупированных земель узнала весьма оперативно. О чем и было срочно доложено по команде...

– ...Речь Посполита сильна как никогда! – напыщенно провозгласил генеральный инспектор вооруженных сил Рыдз-Смиглы²⁵. – Кто может нам противостоять? Германия? От их Рейхсвера осталось не больше половины, а Ротеввер – банда красных бандитов! Россия? – он уже почти кричал. – Мы гнали этих русских в двадцатом, погоним и сейчас! Итальянцы? Они никогда не умели воевать: им только с неграми и сражаться! И, кроме того, нас поддерживают Британия и Франция! Так что я предлагаю проигнорировать ноты этих красных, если, конечно, таковые последуют.

– Вы совершенно правы, господин генерал брони, если бы не одно «но», – заметил министр военных дел Тадеуш Каспржиски²⁶. – Сейчас Британия очень занята в Индии и вряд ли сможет нам помочь. Ну, разве что флотом... Но как флот поможет нам, если на нас с двух сторон нападут красные?

– Наша безопасность гарантирована еще и Францией! – рявкнул Рыдз-Смиглы. – Красные не смогут противостоять сильнейшей в мире армии!

– Уже противостояли, – напомнил Мосьцицкий. – Они остановили наступление французов в Сааре и Пфальце.

– И не стоит забывать, – добавил Каспржиски, – что этих красных будет слишком много. Немцы выставят не меньше миллиона бойцов, русские – могут и больше. А у Италии уже сейчас под ружьем почти миллион человек...

– Кроме того, стоит еще учитывать и тот факт, что «пацификация» на Восточных Кресах еще не дала уверенных результатов, – заметил министр внутренних дел Рачкевич²⁷. – И в случае войны с Россией националисты и коммунисты могут выйти из подполья. А это значительно затруднит ведение боевых действий...

– Я полагаю, что нам необходимо немедленно заключить договор о вхождении Речи Посполитой в Малую Антанту, – солидно заметил премьер Зындрам-Косцялковский²⁸. – Тогда вопрос о военном вторжении отпадет сам собой: красные не посмеют напасть на союз Польши, Чехословакии, Югославии и Румынии. Наши объединенные войска превосходят армии Союза красных держав не только численно, но и технически. Особенно важны чешские оружейные концерны Шкода, Брно и Татра.

²³ Мосьцицкий Игнацы (1867–1946) – польский государственный деятель, президент Польши в 1926–1939 гг.

²⁴ В польской военной разведке в 1918–1939 гг. отдел непосредственно разведки называли оффензива, а контрразведки – деффензива.

²⁵ Рыдз-Смиглы Эдвард (1886–1941) – польский военачальник, с 1936 г. – маршал Польши.

²⁶ Каспржиски Тадеуш (1891–1978) – польский военно-политический деятель, в период 1935–1939 гг. – министр военных дел Польской республики.

²⁷ Рачкевич Владислав (1885–1947) – польский государственный деятель, в период 1935–1939 гг. – министр внутренних дел Польской республики, в дальнейшем – президент Польши в изгнании.

²⁸ Зындрам-Косцялковский Мариан (1892–1946) – польский государственный деятель, премьер-министр Польши в 1935–36 гг.

– А разве наши предприятия уже ничего не значат? – возмутился Рыдз-Смиглы. – Наши авиастроительные предприятия производят боевые самолеты, которые получают призы на международных выставках, наши оружейники пользуются заслуженной славой, а что есть у красных? По данным второго отдела Генштаба, они еле-еле сохраняют уровень прежних производств, ну а москали вообще впадают в дикарство!

Согласно мобилизационному плану, Первая конная армия сосредотачивалась в районе города Проскуров²⁹ Винницкой области. Развертывать армию предписывалось на базе Первого конного корпуса Червоного казачества.

В штаб Конного корпуса командующий Первой конной Буденный вошел... нет! – не вошел, а ворвался подобно шквалу. Следом за ним неся вновь назначенный командиром корпуса Городовиков³⁰, торопились адъютанты, прихрамывал, отдуваясь, новый начальник штаба армии Морозов³¹.

Семен Михайлович был мрачен, точно грозовая туча. Дело в том, что он успел проинспектировать один из полков в Черниговской кавдивизии, и то, что он там увидел, повергло его сначала в состояние шока, а потом...

– ...Где этот Маркевич³²?!! Где эта гнида казематная?! – орал Буденный. – Зарублю! Своими руками задушу эту ...!! – тут он обернулся к своему начальнику особого отдела Ковалеву. – Ты! Ты какого хрена здесь столбом стоишь?! Тебя мне Берия зачем навязал, чтоб ты здесь штаб армии украшал?! Через час чтобы этот Маркевич у меня здесь стоял, без петлиц и без орденов, но при кандалах! Исполнять, мать твою за ногу, да и об угол!!!

Ярость красного маршала была понятна: конский состав полка был небоеспособен, а сами красноармейцы – недисциплинированны, плохо обучены, голодны и оборваны. Буденный сунул для проверки свой платок в ствол первой попавшейся винтовки, увидел след масла и рывкнул: «Почистить!» Но тут же услышал в ответ, что пакля в оружейке кончилась уже месяц как, так что...

Щи, которыми пытались накормить бойцов в столовой полка, являли собой подсоленный кипяток, в котором плавали разваренные капустные листья. Попробовав сей кулинарный шедевр, Семен Михайлович сплюнул и вытянул повара нагайкой. Но уже через пять минут извинялся перед бедолагой: продуктов в полку просто НЕ БЫЛО!!!

Когда начальник особого отдела отправился выполнять приказ, Буденный повернулся к Городовикову:

– Ока, отвечай правду: при тебе так же было?

Ока Иванович обиженно хмыкнул, прикусил длинный ус и покачал головой:

– Семен, ты меня не первый год знаешь, а такое спрашиваешь? Совесть-то есть у тебя, али ты ее в войну вместо соли с картошкой слопал?

– Так как же?..

– Да не так же! При мне здесь одна дивизия и управление корпуса стояли, а теперь – весь корпус! Я-то тогда своих конников сам размещал, а ты... Э-эх!..

²⁹ До 1954 г. так назывался г. Хмельницкий.

³⁰ Городовиков Ока Иванович (1879–1960) – советский военачальник, генерал-полковник (1940). В период 1923–1932 гг. – командир первого кавалерийского корпуса Червоного казачества. В АИ – восстановлен в этой должности в начале 1936 г.

³¹ Морозов Николай Аполлонович (1879–?) – русский военачальник и советский военный деятель, военный теоретик. В Гражданской войне – на стороне Белого движения, помощник начальника штаба Кубанского казачьего войск, затем командующий Кубанской армии. В дальнейшем преподавал стратегию в Военно-политической академии в Ленинграде. Арестован в 1930 г. по делу «Весна», в 1939-м – освобожден. Дата и место смерти неизвестны.

³² Маркевич Николай Леонидович (1894–1937) – комбриг. Участник заговора Тухачевского. Осужден и расстрелян.

– Ну, ладно, ладно, – буркнул пристыженно Буденный. – Не держи сердца, Ока, а лучше думай: как их теперь тебе размещать?

– А что тут думать? – Городовиков хмыкнул, но на сей раз уже весело. – Уплотнять буду. Городское начальство, районное, ну и далее – по списку.

– И то дело, – согласился Буденный, после чего командиры занялись насущными делами.

Ковалев не стал испытывать терпение первого маршала Советского Союза, поэтому уже через сорок две минуты расхристанный бывший комдив стоял перед Буденным, распространяя вокруг себя сильный сивушный запах и сияя свеженькими фингалами. Семен Михайлович подошел поближе, критически оглядел Маркевича со всех сторон и деланно ласковым голосом поинтересовался:

– Ты что праздновал, голубь? День ангела граненого стакана, али в дивизии у тебя праздник какой?

В ответ Николай Леонидович промычал нечто нечленораздельное. Буденный придвинулся еще ближе:

– Ты, голуба, не мычи – не корова. А не то ведь я тебя сейчас доить прикажу, и покуда из тебя полведра молока не выйдет... Ты до чего дивизию довел?! ОТВЕЧАЙ, ГНИДА!!!

– Товарищ маршал... – запинаясь, начал было Маркевич, но Буденный, побагровев, перетянул его камчой.

– Запорю, сука! Фашист недорезанный! Кто тебе, ... подзаборной, велел так с красноармейцами и командирами поступать? У тебя ж, вы... позорного, комэски на конюшне живут³³! НА КОНЮШНЕ!!! – Плеть свистнула во второй раз, и Маркевич тоненько, побабьи, взвизгнул. А Семен Михайлович уже обратился к Ковалеву: – У этого... – тут он на секунду замялся, подбирая подходящий эпитет, но не нашел и продолжил: – Квартирка-то имеется?

– Так точно, – Ковалев недаром провел три месяца в Алабино и набрался там от товарища Белова-Сталина старорежимных словечек. – Четыре комнаты, кабинет, две спальни и комната для прислуги, – уточнил он.

– Н-ну... н-ну... – выдохнул Буденный, впадая в состояние боевого безумия. – Так, значит, да? Ну так и мы – так! Вот что, Ковалев: выбей из этого показания, что шпион, и расстреляй! Семью не забудь! Лет по пятнадцать лес валить – им в самый раз будет!!! А ты, Ока, – он повернулся к Городовикову и грохнул во всю мощь легких, беззастенчиво присваивая себе идею старого товарища, – прошерсти-ка всех своих комдивов и решай вопрос с жильем для командиров. Вызови к себе кировцев³⁴ и узнай: всякие там председатели потребкоопераций, директора магазинов, рынков, базарные шахер-махеры... Ежели у кого отдельная квартира – уплотняй! В мою голову уплотняй!

– Сделаю, Семен, – кивнул Городовиков и зашагал, прихватив с собой нескольких командиров в свой старый новый кабинет.

Следующим номером в списке на инспекцию значилась 17-я механизированная бригада. Буденный выехал туда на следующий день.

Согласно обнаруженным документам штаб бригады должен был находиться непосредственно в Проскурове, однако на самом деле он располагался в деревушке Череповка. Сама же бригада привольно разместилась на полях между деревней и одноименной железнодорожной станцией, захватив в свой район старинное село Велика Калиновка и поселок МТС Череповая.

³³ Реальный факт.

³⁴ Разговорное название милиционеров, возникшее от их наркома – С. М. Кирова (АИ).

Несмотря на не самый теплый февральский день, Семен Михайлович наотрез отказался от автомобиля и двинулся в инспекционную поездку верхом. Он справедливо полагал, что прямых дорог в России не существует, да и не существовало аж со времен татаро-монголов, ну а верхами да по замерзшей земле – руби наметом куда тебе надобно! Лишь бы сугробы неглубокие...

Сугробов в конце февраля тридцать шестого года было немного – зима выдалась не снежная, так что инспекционная группа шла ровным аллюром, делая в среднем километров по десять-двенадцать в час. Буденный оглядывал пустую ровную степь и с наслаждением вдыхал тонкий, сухой, чуть морозный воздух.

– Ить, как на Дону, – буркнул он в усы, широко улыбнулся и вдруг помрачнел. На ум пришла супруга – красавица актриса³⁵. Чертовка неблагодарная! Верно Саньча Сталин всю эту актерскую братию «фиглярами» да «скоморохами» кличет! За самым-самым редким исключением...

«Как вы не понимаете: я – творческая натура, – вспомнились слова Ольги. – Мне необходимо бывать среди тех, кто понимает меня и разделяет мои взгляды...» Взгляды – ха! Шубка соболя да золота пять фунтов – вот и все твои взгляды! А бросить не могу – тянет к ней. Вот равно как мыша к козюле!

– Стой, кто идет!

Ого! Вроде ж пусто было, а тут – ровно из-под земли боец вынырнул! Ствол наперевес, и не винтовка в руках – пистолет-пулемет Коровина. А стоит так, словно готовится вот сейчас перекатом в сторону уйти, да и причесать из своей трещотки! Хм-м... морда-то вроде как знакомая...

– Боец, вызови разводящего и начкара!

– Слушаю, товарищ маршал Советского Союза, – отчеканил часовой и, отступив на шаг, резко засвистел в свисток, висевший у него на запястье.

– Слухай, махра, – поинтересовался вдруг адъютант Буденного Зеленский³⁶. – А ты, часом, в Пешаваре не бывал?

– Товарищ полковник, часовому на посту разговаривать не положено! – сурово отрубил красноармеец и тут же, озорно блеснув глазами, прибавил: – За разговоры товарищ Саша мог – у-ух!

Буденный рассмеялся. Он вспомнил этого парня – разведка отдельного батальона, приданного на всякий пожарный во время индийской эскапады Сашке Белову-Сталину. Ну, теперь понятно, откуда у обычного часового в мехбригаде подобные замашки.

К ним подбежали разводящий с подчаском и старший лейтенант – начальник караула. После взаимных приветствий проверяющей группе были предоставлены сопровождающие, и Семен Михайлович двинулся к командиру бригады.

Комбриг полковник Куркин³⁷ стоял возле временно реквизированного под штаб колхозного клуба и ждал визита командарма. «Солдатский телеграф» уже донес до него известия о судьбе командира дивизии Маркевича, которого «сперва полдня пороли нагайками ближники маршала Буденного, а потом расстреляли вместе со всей семьей, порубав малых детей шашками – нечего, мол, на щенков пули тратить!» Алексей Васильевич выслушал все версии жуткой расправы с комдивом Второй Червонноказачьей, иронично приподнял левую

³⁵ Ольга Стефановна Михайлова-Буденная (1905–1956) – певица, жена (с 1927 г.) С. М. Буденного. В 1937-м – арестована по обвинению в связях с иностранной разведкой. Вела беспорядочный образ жизни, имела многочисленных любовников, в том числе и находясь в ссылке в Енисейске.

³⁶ Петр Павлович Зеленский (1891–1977) – генерал-майор, участник Парада Победы. Бессменный адъютант Буденного с 1919 по 1944 год.

³⁷ Алексей Васильевич Куркин (1901–1948) – советский военачальник, генерал-полковник танковых войск (1944). В 1935–1937 гг. – командир 17-й механизированной бригады.

бровь и поинтересовался: откуда у Маркевича взялись «малые дети». Жена комдива – фигуристая, задастая и грудастая девица была на два десятка лет моложе мужа и детей еще не имела. Легкость же поведения «хозяйки дивизии» была притчей во языцех всего Проскурова, так, может, порубали ее любовников? Если «да», так и за дело, а если «нет», то очень жаль...

Никаких грехов за собой Куркин не помнил, разве что по мелочи, но за мелочи даже «Красный Мюрат» расстреливать не станет, а потому пребывал в относительном душевном спокойствии. Если товарищ командарм придерется к размещению личного состава в палатках, так пусть расскажет: где, прах побери, набрать зимних квартир в неподготовленном городе? А долбить землянки в мерзлой земле – занятие для саперного полка, а не для его бригады, в которой даже батальона саперов нет!

Недлинную колонну конников комбриг заметил издали. Впереди кавалеристов, указывая им путь, катил итальянский пикап «Лянча Аугуста», в кузове которого стоял крупнокалиберный пулемет на высокой треноге. Эти автомобили поступили в бригаду совсем недавно, так что освоили их пока только в 17-м отдельном разведывательном батальоне. Остальные еще принарамливались к быстрым и удобным, но весьма требовательным «итальяночкам».

Куркин порадовался про себя тому, что удача вынесла маршала Буденного именно на разведчиков. В прошлом месяце в семнадцатый разведывательный перевели полдесятка бойцов с боевым опытом и пометкой в личном деле «Секретно». Старший лейтенант, старшина и трое красноармейцев – все трое прокаленные горным солнцем, с новенькими орденами и медалями на груди. А в разговоре вся пятерка вставляла странные словечки из языков пуштунов и сикхов – тех самых, что сейчас насмерть рубятся с британскими империалистами. Маршал Буденный тоже в тех краях отметился – да не один, а с сыном самого товарища Сталина, который, по слухам, лично перебил целую кучу колонизаторов. А до того – уничтожил самого Гитлера вместе со всеми немецкими фашистами, а потом съездил в Италию, пробрался к Муссолини и предупредил итальянского лидера, что если бы не положительная характеристика, данная товарищем Лениным, – Муссолини уже составил бы Гитлеру компанию на кладбище. И Муссолини все понял: развернул Италию на коммунистические рельсы и теперь – наш преданный друг...

Не то чтобы Куркин верил в эти истории, но статью о награждении Александра Белова Сталина в «Правде» он читал. И хорошо знал: просто так в СССР ордена не дают – чай, не капиталисты и не дворяне, чтобы за происхождение награды давать. Так что этот дым точно был не без огня.

На этом его размышления и прервались: маршал Буденный подъехал к штабу и легко соскочил с коня. Он похлопал по шее любимого жеребца стрелецкой породы:

– Молодец, Софист, молодец. Ну, здорово, Куркин, показывай свое хозяйство!..

Инспекция показала, что семнадцатая бригада готова к бою хоть завтра. В меру своих возможностей, разумеется. Танки и бронеавтомобили носились по полигону в облаках снежной пыли, довольно метко били с коротких остановок по мишеням, бодро собирались в ударные кулаки или наоборот – рассыпались в цепи прикрытия пехоты.

В трех танковых батальонах бригады насчитывалось пятьдесят танков БТ-7 и огнеметных Т-26. В учебно-танковом – восемь БТ-5 и четыре танкетки Т-27. Как ни странно, основной ударной силой бригады оказался разведывательный батальон, имевший в своем составе самое большое количество бронированных машин. Девять плавающих танков Т-37А дополняли десять тяжеловооруженных КБМ с пушками 23 мм, пять КБМ с легким (пулемет ДШК) вооружением и полтора десятка небронированных пикапов «Лянча Аугуста» с тем же ДШК в кузове. Сверх того, буквально вчера прибыли два новеньких бронеавтомобиля ГАЗ с обычным пулеметом в башенке. Осматривая их, Буденный вспомнил, что именно его

любимец Саньша обозначил эти машины «БА-64», и дружелюбно погладил маленький разведывательный бронеавтомобильчик по рубленому крылу.

– Как машинки? – спросил он у разведчиков. – Осваиваете, бойцы?

– Так уж освоили, товарищ маршал, – отрапортовал загорелый дочерна старший лейтенант Уваров, под расстегнутым комбинезоном которого блесло новенькое «Знамя». – Да что тут осваивать? Машинка простая, кабээмке не чета...

– Ну, тебе-то, пенджабец, может, и нечего, а остальным? – остудил его боевой задор Буденный. – Остальные-то как?

– Так прикажите, товарищ маршал Советского Союза! – упрямо гнул свое Уваров. – Сами назначьте экипаж и проверьте!

– А и назначу! – загорелся Семен Михайлович. – Сам в башню сяду, а твоего – водителем посажу. Вот и посмотрим, чего он стоит!

Через час гонок по заснеженным полям БА-64 резко остановился в расположении батальона. Буденный вылез из башенки и тяжело спрыгнул на землю, сомкнув ноги, точно при прыжке с парашютом. Выпрямился, охнул, потер бок и повернулся к командирам:

– Ну, пенджабец, гаплык тебе! – сурово произнес Семен Михайлович, теребя ус. – Все! За покушение на маршала и командарма ответишь по всей строгости!..

Все замерли, и лишь Ковалев со своими ухорезами напряглись и двинулись к Уварову. Тот заметно побледнел, несмотря на загар, когда Буденный вдруг расхохотался и хлопнул старшего лейтенанта по плечу:

– Уж так меня твой мехвод укатал, так укатал, думал – все, Сенька, вот он – конец-то твой! В поворот – на всем ходу, останавливался так, что я чуть башкой броню не пробил, – маршал хватанул за рукав вылезшего из броневика водителя и толкнул вперед. – Молодец! Так, только так в бою и надобно! И ты, пенджабец – молодец! Куркин! Пиши ему представление на капитана! А тебе, комбриг – благодарность! В приказе отмечу! Только не расслабляйся теперь! В бою – еще и не так будет!

Через неделю непрерывных разъездов по частям вновь формируемой армии Семен Михайлович Буденный сидел в своем кабинете и, матерясь вполголоса, составлял план организационных мероприятий. А попутно строчил запросы в Москву о предоставлении Первой конной новых образцов вооружения.

За последний год военная промышленность со скрипом и скрежетом переходила на производство нового улучшенного вооружения. Вот только его было непозволительно, оскорбительно мало!

Кабээмки собирали едва ли не поштучно и вручную, новых танков сумели произвести лишь две сотни штук – проблемы с трансмиссией и коробкой передач так и не были решены до конца, ну а такие мелочи, как гетерогенная броня или новые танковые орудия, на этом фоне смотрелись совершенно незначительными. Малокалиберная зенитная артиллерия трудами покойного маршала Тухачевского – шпиона гитлеровского! – была в полном загоне, а новые двадцатитрехмиллиметровые автоматы страдали такими «детскими болезнями», что их ежемесячный выпуск в двадцать штук выглядел величайшим достижением.

С обычной артиллерией дело обстояло несколько лучше, но большая часть артсистем представляла собой модернизацию старых образцов, а потому, к примеру, маневр огнем изрядно затруднителен – поворочай-ка однобрусные лафеты! А выпуск новейших орудий прискорбно мал: предприятия крайне неохотно берутся за их выпуск, стараясь всеми правдами и неправдами отказаться. Понять производителей, в принципе, можно: кому охота возиться с переналадкой производства, созданием новых технологических процессов и тому подобным. Вот только их отказ от такой возни придется оплачивать кровью бойцов...

«Саньшу б озадачить... – подумал Семен Михайлович и тяжело вздохнул. – Да куда ж ему еще и это? Спасибо, хоть стрелковое оружие подтянул... Но надо. Надо!» Он взял лист бумаги, достал из шеврового футлярчика самописку и аккуратно вывел сверху «Рапорт». Подумал, зачеркнул и написал чуть ниже «Донесение». Посидел еще, размышляя, и вновь зачеркнул написанное. Новый заголовок гласил: «Совершенно секретно! В Особый отдел ЦК ВКП(б)»...

Сталин посмотрел на Сашку, который только что положил ему на стол стопку исписанных мелким четким почерком листов. Затем достал из стола очки, водрузил их себе на нос и взял из стопки несколько верхних. Он быстро пробежал взглядом написанное, кашлянул, взял следующие пять-шесть листов, вчитался и вдруг замер. Затем поднял взгляд на приемного сына:

– Это ты точно рассчитал?

– Погрешность плюс-минус десять процентов.

– Всё так плохо?

– Ну не то чтобы плохо: все-таки воевать будем на чужой земле, и все разрушения ожидаются только у противника. Но потери ожидаются примерно на таком уровне.

– Это в случае невмешательства Франции?

– Да, но она не вмешается, если мы дождемся результатов их выборов.

– Откуда такая уверенность?

Сашка помялся:

– Я – не великий знаток истории, но читал когда-то книгу Эренбурга «Падение Парижа». Так вот там упоминается левое правительство Народного фронта во Франции. Народный фронт уже сформирован полтора года назад, ближайшие выборы – в мае этого года. Они одержат победу и сформируют правительство. Так что, если товарищ Тельман не станет требовать назад Эльзас и Лотарингию – эти парни и не подумают вступаться за Польшу.

– Хотя у них и есть союзный договор... Впрочем, обойти его французы смогут без особых затруднений. Без затруднений обойдут. С их точки зрения поляки, сами поставили себя в ситуацию, денонсирующую этот договор, так как выступают агрессорами. Правые радикалы, конечно, проигнорировали бы это незначительное обстоятельство, но Народный фронт поддерживается Коминтерном. И даже кое в чем управляется им. Коммунисты войдут в правительство, а Народный фронт заблокирует агрессивные решения в парламенте. Что ж, верно. Дальше?..

– Основные проблемы в слабой подготовке красноармейцев и нехватке современного вооружения. Записка товарища Буденного, приложенная ниже. А Конная армия – наше самое боеспособное соединение.

– Товарищ Ворошилов, помнится, сперва предлагал две конных армии сформировать. А теперь готов и свою Первую конную не создавать – советует ограничиться конно-механизированной группой на уровне корпуса...

– По состоянию в войсках с обучением и вооружением он прав, – кивнул Александр. – Вот только есть одна деталь: этой войной просто необходимо воспользоваться для получения боевого опыта. Знаете, есть такое мудрое изречение: «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне». Так вот: все здесь – от покойного Триандафилова до ныне здравствующего Бориса Михайловича Шапошникова готовились к прошедшей Империалистической войне...

– И как, подготовились? – быстро перебил его Сталин, сверкнув глазами.

– Ну, более-менее. Если честно – скорее «менее». Но в общем – да, подготовились. Вот только проблема в том, что той войны больше не будет. А будет новая. С массовыми авианалетами по тылам и глубокими прорывами бронесил и мотомеханизированных соединений.

Так вот, Семен Михайлович считает, что к такой войне даже его Первая конная – лучшее, что сейчас есть в РККА – не готова. Не хватает новых танков – то есть их вообще нет! Пятнадцать Т-28 – даже не отдельный танковый батальон! А у него они числятся как отдельный тяжелый танковый полк РГК – с соответствующими полку службами тыла, снабжения, ремонта и так далее. А в мехбригадах обратная проблема – не хватает служб снабжения, ремонтных летучек, служб обеспечения ГСМ. Дальше – больше! В кавкорпусах – отдельные танковые полки, которые по числу танков превосходят мехбригады. А служба обеспечения ГСМ в кавкорпусе просто отсутствует. Отсутствует от слова «абсолютно». И что этим танкистам делать? Лошадей в танки впрягать, или соседей из мехбригад грабить?

Сталин молчал. Замолчал и Сашка, ожидая результатов своего доклада.

Иосиф Виссарионович быстро прочитал оставшиеся листы, сперва – внимательно, но чем дальше, тем более поверхностно. Последние листы он просто отложил в сторону, с силой хлопнув ими по столу.

– Так... Ну, а ты что предлагаешь?

– Я?!

– Ты!!!

Белов молчал долго, а затем спокойно – преувеличенно спокойно – произнес:

– Товарищ Сталин, я – всего лишь обычный полковник спецназа. Я – не государственный деятель, и...

– Да? – Сталин поднялся из-за стола, подошел к Сашке и принялся внимательно его разглядывать. – Как интересно выходит, – проговорил он, наконец. – Товарищ Белов-Сталин – начальник Особого отдела ЦК партии большевиков. – Товарищ Белов-Сталин курирует производство новых видов вооружений, часть вопросов военной разведки, осуществляет связи с некоторыми деятелями Коминтерна, и вдруг выясняется: он – совсем не государственный человек. А кто же он тогда? Кустарь-одиночка?

Он откровенно насмеялся, и Александр, разумеется, это чувствовал. Но совершенно не представлял, что ему отвечать.

– Так вот, если товарищ Белов-Сталин – не кустарь-одиночка, то он завтра свяжется с наркомом обороны, наркомом военной промышленности, Генеральным штабом и начнет вырабатывать решение. И план действий. Которые и представит товарищу Сталину через три дня.

– Слушаюсь, товарищ Сталин! – Белов козырнул и двинулся к выходу.

Уже на пороге его нагнал веселый вопрос:

– А ты что, думал, я тебя в обер-палачах оставлю? – и короткий, каркающий смешок...

4

Война была бы пикником, если бы не вши, дизентерия и интенданты.

Сеченов Иван Михайлович

Первый всеармейский чемпионат по военным видам спорта начнётся 10 мая в подмосковном Алабино на базе Н-ской части Московского гарнизона.

Соревноваться приедут механики-водители, саперы, снайперы, парашютисты и представители других родов войск. В каждом зачёте будут разыграны не только медали, но и ценные призы, а также внеочередные повышения по службе.

Со всех концов нашей необъятной родины, а также из Социалистической Германии и Социалистической Италии прибудут десятки сержантов и командиров, чтобы обменяться знаниями, опытом и поднять своё мастерство на новый уровень.

Судьями и гостями чемпионата станут народный комиссар обороны тов. Ворошилов, товарищи Василевский и Чкалов, представители Ротевера и Итальянской Республиканской армии.

«Правда», 2 мая 1936 года

Двадцатого июня польским посланникам в Москве и Риме были переданы ультиматумы: в течение сорока восьми часов польские войска должны очистить незаконно занятые ими германские территории и возместить нанесенный их ничем не спровоцированными действиями ущерб. В противном случае оба государства – Советский Союз и Народная Италия, будучи связанными с Германской Советской Федеративной Социалистической Республикой военно-политическим союзом, оставляют за собой полную свободу действий по принуждению Польши к исполнению международных соглашений. В тот же день дипломатической почтой такие же ультиматумы были доставлены в Варшаву. А несколькими часами раньше в Париже расшифровали секретную инструкцию Исполкома Коминтерна: Народному фронту предстояло отработать те средства, что Коминтерн предоставил для победы союза коммунистов и социалистов. Поэтому, когда польский посол добился аудиенции во французском министерстве иностранных дел, он был неприятно удивлен. Крайне неприятно...

– Польская республика, – медленно процедил новый министр иностранных дел Франции Морис Торез³⁸, – в данном случае является агрессором, так что ни о какой помощи со стороны Франции, на которую вы, вероятно, рассчитывали, согласно нашему союзному договору, не может быть и речи.

Посол Микельский почувствовал себя так, словно его ударили по голове. Топором...

– Однако, с учетом наших прежних взаимоотношений, правительство Французской Республики считает своим долгом предложить свое посредничество для достижения приемлемых условий исполнения справедливых требований Германии, Италии и Союза ССР с правительствами этих государств.

³⁸ В РИ ФКП не приняла участия в формировании нового правительства Народного фронта, но в АИ имея лишь на 2 % голосов меньше, чем социалисты, вполне могла рассчитывать на хотя бы один ключевой портфель в новом правительстве. В РИ коммунистам предлагались три второстепенных портфеля, в данной АИ ФКП может рассчитывать на МИД и министерство труда.

– Вы бросаете нас одних, – гневно выкрикнул Микельский. – Бросаете на растерзание коммунистических дикарей, от которых мы так долго оберегали всю Европу...

Тут он осекся, внезапно сообразив, ЧТО и КОМУ он умудрился сказать. Ведь его превосходительство Торез – секретарь французской партии этих самых «дикарей»! Но Морис Торез лишь чуть усмехнулся:

– Возможно, настало время избавить вас от этой непосильной обязанности. Впрочем, мы, разумеется, рассмотрим ваше обращение на заседании парламента...

Двадцать первого июня на очередном заседании парламента Французской Республики в повестке дня в разделе под обозначением «Разное. Второстепенное» было рассмотрено обращение поляков. И хотя радикалы и правые отчаянно зывали к «благородству по отношению к старому, верному союзнику», шестьдесят два процента депутатов, принадлежавших Народному фронту, единодушно проголосовали против любой помощи агрессору. В любом виде. Слишком уж свежи были воспоминания о парижских беспорядках, учиненных правыми. Профашистские выступления, собственно, и стали причиной создания Народного фронта...

Румыния, Чехословакия и Югославия только теперь поняли, во что втянули их ясно-вельможные паны. Им предстояла большая драка с тройкой, может, и не самых больших, но уж точно самых агрессивных (после самих поляков, разумеется) государств Европы. Россия и при царях не отличалась особым миролюбием, а уж при новой власти кровожадных большевиков – спаси Господи! Германия – и двух десятков лет не прошло, как, считай, одна со всем миром четыре года сражалась, да еще и чуть не выиграла. Италияшки, конечно, победами похвастать не могут, но задиристы. А если их русские и немецкие большевики поддерживать будут?

Больше всего боялись большой войны румыны. Их армия хоть и была одной из самых многочисленных в Европе, да вот только качество у этой армии было крайне невысоким. И сами потомки древних римлян прекрасно представляли себе, насколько эта армия боеспособна и победоносна. Хотя и числились румыны в прошлой войне в победителях, и по Версалию вроде получили территорий – чуть не полстраны, а ведь помнили, как их в шестнадцатом Макензен за две недели не просто разгромил – почти уничтожил! И совсем бы добил, если б русские армии насмерть не встали. А теперь русские с немцами по одну сторону сражаться будут...

Впрочем, король Кароль II, занимавший пробританскую позицию, полагал, что все не так уж и плохо, и был свято уверен: решишь большевики на войну, Британская империя сумеет дать укорот зарвавшимся хамам. Ведь британцы уже поставили в Румынию новейшие истребители «Бульдог» и «Гантлет», легкие бомбардировщики «Фокс» и целых четыре тяжелых бомбардировщика «Хендон». А еще поспособствовали закупить у Соединенных Штатов десять пикировщиков «Мартин». Последние, правда, доблестные румынские пилоты так и не освоили до конца, но ведь если только красные посмеют – нет! – просто помыслят проверить на прочность рубежи Великой Румынии, то на помощь сразу же ринутся сотни и тысячи благородных и непобедимых британцев.

А вслед за королем такого же мнения придерживалось – не раздражать же Его величество своим несогласием! – и высшее командование армии, авиации и флота. В противовес офицерству среднего звена и промышленникам. Эти как раз считали, что если, храни Господь и Дева Мария, война, то красных в Букурешти стоит ждать не больше чем через два-три месяца...

У югославов были свои проблемы. Воевать против русских готовы были только хорваты и словенцы. А чего бы не воевать – дрались же двадцать лет тому назад, и не то чтобы

все время проигрывали – бывало, что и сами гоняли русских схизматиков. Но вот схватиться с немцами они были решительно не готовы, ведь совсем недавно это были союзники, почти братья. У сербов и особенно черногорцев все было с точностью до наоборот: драться с немцами – пожалуйста, драться с русскими – господа, спаси и сохрани! Причем в Черногории о возможности войны с Россией даже упоминать не рисковали: царногоры – народ суровый, резкий и несколько дикий. Услышат о такой войне – могут и в ножи взять. А могут и за винтовки похвататься: у них каждый мужчина, который винтовку поднять уже или еще может – воин, и оружия по деревням да селам попрятано уж никак не меньше, чем мужиков в той деревне имеется. Получить же собственную гражданскую войну в планы югославского регента Павла Карагеоргиевича ну никак не входило. Имелась, правда, некоторая надежда, что русские эмигранты, которых в Королевстве сербов и хорватов находилось изрядно, помогут остудить горячие сербские да черногорские головы и удержать их от глупостей...

С Чехословакией дело обстояло вроде как и неплохо: Германию и Австрию чехи недолюбливали крепко, и тем немцам, что обитали в Судетах, жилось несладко. На стороне Чехословакии были первоклассная промышленность, талантливые конструкторы и опытные инженеры: заводы «Брно», «ЧКД», «Татра», «Шкода» потоком гнали современное оружие в огромных количествах и отменного качества. Недаром же даже англичане приняли на вооружение чешские пулеметы, а чешские самолеты успешно конкурировали на международных рынках с американской, английской и французской продукцией. Офицерский корпус был опытен – многие прошли не только фронты мировой войны, но и побывали в яростном пламени Гражданской войны в России.

Но имелись и проблемы. И первая, она же основная – Версаль, объединивший два, казалось бы, родных и близких народа – чехов и словаков – в одно государство. Чехи, так уж вышло, оказались более грамотными и образованными, а потому заняли большую часть начальственных мест – от деревенских жандармов до президента и премьер-министра. Которые, разумеется, поддерживали чехов, всячески притесняя словаков. За что последние платили чехам тихой ненавистью. Для чеха оказаться в роте, где словаки составляли большинство, было чем-то сродни визиту в логово тигра-людоеда. В таких ротах чешских офицеров практически игнорировали, не выполняя даже прямые недвусмысленные приказы, а сержантов и рядовых чехов просто били, иногда вплоть до членовредительства...

Война началась по иронии судьбы двадцать второго июня. Первый Пролетарский армейский корпус Ротевера из состава Первой армии перешел в наступление под Франкфуртом. Германские солдаты под командой генерал-лейтенанта Фрича³⁹ попытались прорвать польский фронт. Им удалось переправиться через Одер и захватить на восточном берегу восемь плацдармов. Однако далее наступление Ротевера застопорилось – войска увязли в позиционных боях, штурмуя Крейцбург и Бютов...

Двенадцать дивизий германской Красной Армии бились лбами о хорошо оборудованную оборону такого же количества польских. Это продолжалось целых восемь дней, а тем временем на востоке войска Витебской, Бобруйской, Винницкой и Житомирской армейских групп перешли границу Польши. И здесь красноармейцы встретили ожесточенное сопротивление, но тут дела пошли несколько легче – сказывалось значительное превосходство частей РККА в авиации...

Небо гудело от рева десятков авиационных двигателей, свиста сотен падающих бомб и множества трассирующих пуль и снарядов, несущихся навстречу самолетам. Десяток поль-

³⁹ Веренер Фрайхер фон Фрич (1880–1939) – немецкий генерал, в 1934–1936 гг. – командующий сухопутных сил Вермахта. В РИ был оклеветан (обвинен в гомосексуализме) нацистами за свои антинацистские взгляды. В результате отправлен в отставку, но во время войны с Польшей восстановлен на службе. Погиб в бою.

ских PZL отчаянно пытался отогнать с полсотни Р-5 и два десятка СБ, но девять троек И-15 и И-16 не позволяли полякам ничего сделать, связав их воздушным боем.

Красная авиация вот уже второй день почти непрерывно бомбила Барановичский железнодорожный узел. Еще вчера погибла одна из трех четырехорудийных батарей 75-мм шкодовских зениток, буквально заваленная бомбами, а остальные две изрядно потрепали штурмующие истребители. Ночью тяжелые ТБ-3 сыпали свой смертоносный груз на город и вокзал с методичностью автоматов, и вот с утра все началось по новой.

Вместе с Р-5 в этом налете приняли участие и новенькие, только что с конвейера, немецкие пикирующие бомбардировщики «Хеншель» Hs-123. Правда, советские – да и немецкие тоже – летчики их еще не до конца освоили, так что прицельное бомбометание с пикирования не у всех получалось гладко, но немецкий самолет определенно глянулся «сталинским соколам». В первую очередь своей невероятной живучестью...

На полевом аэродроме царил дикая суeta, сумасшедший дом и вавилонское столпотворение. Самолеты приземлялись и взлетали практически непрерывно – ведь на поле, могущем вместить максимум полк, базировалась едва ли не дивизия.

Едва только севший самолет сворачивал с поля ближе к наскоро отсыпанным капонирам, как к нему тут же кидались техники, механики, оружейники, аэродромная команда. Они словно муравьи облепляли машину и чуть ли не бегом волокли ее в сторону, попутно с криками и руганью выясняя дальнейшую судьбу самолета. Есть ли в плоскостях и фюзеляже пулевые пробоины и следует ли их заделать немедленно, или пусть его? На внешние и внутренние подвесы цеплять снова «пятидесятки», или на этот раз он «сотки» возьмет? Бензозаправщик подъехать успеет, или опять придется из цистерны на конной тяге ручным насосом качать? И уж, кстати, заодно: а сам-то пилот как? То есть то, что жив и не ранен – это видно, а вообще? «Товарищ командир, вы там живы? Точно?»

Летчики, а из двухместных «эр-пятых» – и штурманы-бомбардиры с трудом выбирались из кабин, после чего отходили в сторону и просто ложились на землю, стараясь упасть именно там, где еще уцелела пропыленная, помятая, но все-таки трава. К ним немедленно бежали санитарки или фельдшера: проверить, все ли в порядке, дать попить воды с сухим красным вином и клюквенным экстрактом, размять занемевшие от усталости мышцы. Часто все это проделывали, даже не утруждаясь освободить пилотов от парашютной сбруи. А тем временем их крылатых коней заправляли бензином, маслом и, если надо, сжатым воздухом, заряжали оружие, подвешивали бомбы... Взлетала очередная ракета, и красные соколы, охая и матерясь, вновь занимали места в кабинах. Подлетал пускач-полуторка, взрывал двигатель, и механическая птица устремлялась в небо – туда, где за выложенным на поле матерчатым углом горели и стонали Барановичи...

Качаясь и вихляя, словно пьяный колхозник после ярмарки, к аэродрому приближался еще один «хеншель». Даже сквозь гул, вой и мат было слышно, что мотор у бедолаги захлебывается и тянет на последнем издыхании.

– Не дотянет, – произнес средних лет небритый техник-лейтенант и сплюнул. – Ща все...

И он рукой изобразил стремительное пике.

Молоденький механик с одинокими треугольничками на петлицах⁴⁰, приоткрыв рот, уставился на поврежденный самолет, который, несмотря на мрачный прогноз командира, упрямо тянул и тянул к аэродрому. Вот сейчас, вот прямо сейчас...

– Чего ж он не прыгает-то, а? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

⁴⁰ Один треугольник в петлицах означал звание «младший сержант».

Но его вопрос не пропал втуне.

– Да поздно уже, – буркнул невысокий крепыш, в петлицах которого красовалась старшинская «пила»⁴¹. – Если теперь скакнет – ероплан аккурат в еродром и врежет. Тогда и прыгать без толку – все одно расстреляют за такие фокусы...

В этот момент «хеншель» клюнул носом и стремглав помчался вниз, к земле. Механики прыснули было во все стороны, словно мыши, застигнутые в амбаре котом, но в самый последний момент избитый биплан выправился и грузно плюхнулся на летное поле. Он катился по земле, явно не управляясь, подпрыгивая и содрокаясь на каждой кочке и каждой выбоинке, и все никак не мог остановиться.

Громко звеня колоколом, к поврежденному самолету понеслась пожарная машина, а следом за ней мчался выкрашенный в защитный цвет автобус с красными крестами на бортах. За машинами, спотыкаясь, бежали техники, механики, бойцы аэродромной команды, но упрямый «хеншель» все никак не желал останавливаться и катил себе, катил, катил, катил...

Развязка наступила неожиданно: левое шасси попало в особенно неудачную выбоину и застряло. Если бы обороты были повыше – самолет просто скапотировал бы, перевернувшись «через голову», но на удачу красвоенлета, скорость уже упала, и теперь бомбардировщик просто закрутился на месте, словно собака, которая ловит свой хвост. И так же, как и собака, он его не поймал...

Через борт кабины буквально вывалился пилот, опираясь на крыло, сделал несколько неверных шагов, но дальше ноги его подломились, и он рухнул без сил на руки подбежавших медиков.

– Ранен?! Куда?! Где?!

– В Караганде, – буркнул летчик, затем резко двинул плечами, пытаясь освободиться от державших рук. – Да отпустите, мать вашу! Цел я, цел. «Ханю» только угробили... Похоже, что совсем.

С этими словами он снова осел и привалился к стойке шасси.

– Ну, это вы поторопились, товарищ старший лейтенант, – глубокомысленно заметил один из техников, осматривавший самолет. – Ничего, залатаем. Завтра – не завтра, а послезавтра лететь на нем снова сможете. Точно. Слово коммуниста...

Летчик просветлел лицом и, вдруг приподнявшись и опираясь рукой на обтекатель колеса, зачастил:

– О! А я что говорил? Вот же машину германские товарищи сделали! Верное слово! Если б на «эр-пятом» – догорал бы уже в бурьяне, а этот – класс! Пыхтит, пердит, маслом из цилиндров плюется, а ползет! Верное слово!

Словно бы в подтверждение сказанного из рупоров стоявшего на краю поля фургона вдруг раздалось громкое, хриловатое:

Где облака вершат полёт,
Снаряды рвутся с диким воем,
Смотри внимательно, пилот,
На землю, взрыхленную боем.
Пропеллер, громче песню пой,
Неся распластанные крылья!
За вечный мир,
В последний бой

⁴¹ Званию «старшина» соответствовали четыре треугольника, расположенные в петлицах в одну линию. Красноармейцы остроумно прозвали такие знаки различия за внешнее сходство «пилой».

Лети, стальная эскадрилья!⁴²

Летчика, невзирая на его протесты, утащили с собой медики, а изуродованную машину с уханьем и хеканьем покатали к мастерским. Над летным полем гремело:

Там, где пехота не пройдёт
И бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползёт,
Там пролетит стальная птица.

Двое старших командиров, одетых несмотря на теплую погоду в регланы, удовлетворенно озирали эту возню и суету.

– Что скажете, товарищ комдив? – поинтересовался тот, на чьем рукаве горела алая с золотом звезда политсостава. – Как вам?

– А что тут сказать? Сегодня Барановичи добьем и дальше. «Даешь Варшаву», – процитировал он известную песню.

– Я не о том. Песня к месту? Вовремя?

Комдив задумчиво помолчал, затем чуть поморщился:

– Вы б, товарищ бригадный комиссар, лучше проследили бы за тем, чтобы летный состав портвейном пайковым не злоупотреблял⁴³. А то вон утром возвращаются соколы, а трое – лыка не вяжут! – тут он, видимо, решил, что особенно перегибать палку не стоит, и закончил уже примирительно: – А песня – что ж... Хорошая песня. Настроение поднимает...

А над полем гремело:

Мы виражом крутым пройдем,
Прикроем плавным разворотом,
И на врага мы нападём
Могучим бреющим полётом.

На следующий день избитые авиацией Барановичи пали. Польская армия отошла на запад...

Вдохновленные примером РККА, командиры Ротевера тоже решили сделать ставку на авиацию. Пехотные, легкие и моторизованные дивизии получили передышку, чего никак не скажешь о поляках...

– ...Итак?

– Товарищ генерал-лейтенант... – командир первой кампфгешвадер⁴⁴ Народной Военной авиации постарался придать своему взгляду максимум спокойствия, но получилось плохо. – Товарищ генерал-лейтенант, эскадра готова к вылету. Основной целью назначены

⁴² «Стальная эскадрилья» – марш, написанный в 1929 году Борисом Ковыневым.

⁴³ При особенно напряженных полетах летному составу РКК ВФ полагалось 125 граммов марочного портвейна в день. Однако летчики частенько превышали установленную норму. В РИ первые подобные случаи были отмечены во время боев у оз. Хасан, а в дальнейшем подобное злоупотребление стало чуть ли не нормой. В 1942 году выдачу портвейна отменили, заменив его сухим красным вином.

⁴⁴ Kamfgeschwader (нем.) – бомбардировочная эскадра (сокращенно KG). В РИ обозначение было принято в Люфтваффе, но авторы взяли на себя смелость предположить, что структура Люфтваффе останется без изменений и в Красной Германии.

укрепления и рокадные дороги восточнее Крейцбурга и Глейвица вот здесь, – указка пробежала по карте, – и здесь. Также намечен удар по трамвайной сети Силезии.

Кессельринг⁴⁵ внимательно посмотрел на карту, висевшую на стене небольшого домика, волею судеб превращенного в полевой штаб первой бомбардировочной эскадры Роте Люфтваффе, затем тщательно сверился с записями в блокноте, покачал головой, но ничего не сказал. Ободренный этим молчанием оберст Келлер⁴⁶ продолжил свои пояснения:

⁴⁵ Альберт Кессельринг (1885–1960) – немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал Люфтваффе. В начале службы – артиллерист, переведен в Люфтваффе лишь в 1934 году. Неоднократно бывал в СССР, участвовал в полевых и штабных учениях РККА.

⁴⁶ Келлер Альфред (1882–1974) – один из высших командиров Люфтваффе, генерал-полковник (1940). В Первую мировую – командир 1-й бомбардировочной эскадры. С 1923 года был советником авиапредприятия Юнкерса, неоднократно бывал в СССР. После войны участвовал в создании ВВС ННА ГДР. Советский Союз НЕ выдвигал против Келлера никаких обвинений, несмотря на то, что в период 1941–1943 гг. Келлер являлся командующим 1-м воздушным флотом, поддерживавшим во время нападения на СССР войска группы армий «Север».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.